
ПЕРЕСТРОЙКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ДИПЛОМАТИИ СССР НА ВОЕННЫЙ ЛАД

Начало войны и новые задачи внешней политики СССР

С первых дней войны обеспечение необходимых международных условий для организации отпора фашистской агрессии, освобождения захваченных советских территорий и полного разгрома врага стало стратегической задачей советской внешней политики. Важнейшей предпосылкой ее решения было создание прочной коалиции с противниками Германии. Успех во многом зависел также от широкой мобилизации международных общественных и политических сил в поддержку борьбы с агрессорами.

Приоритетом отечественной дипломатии становилось установление надежного сотрудничества с западными державами в военной, политической и экономической областях. В драматической ситуации начального периода войны особую важность для СССР приобрела их материальная помощь, прежде всего поставки союзниками вооружения. Главной задачей в работе с западными державами было скорейшее открытие второго фронта в Европе.

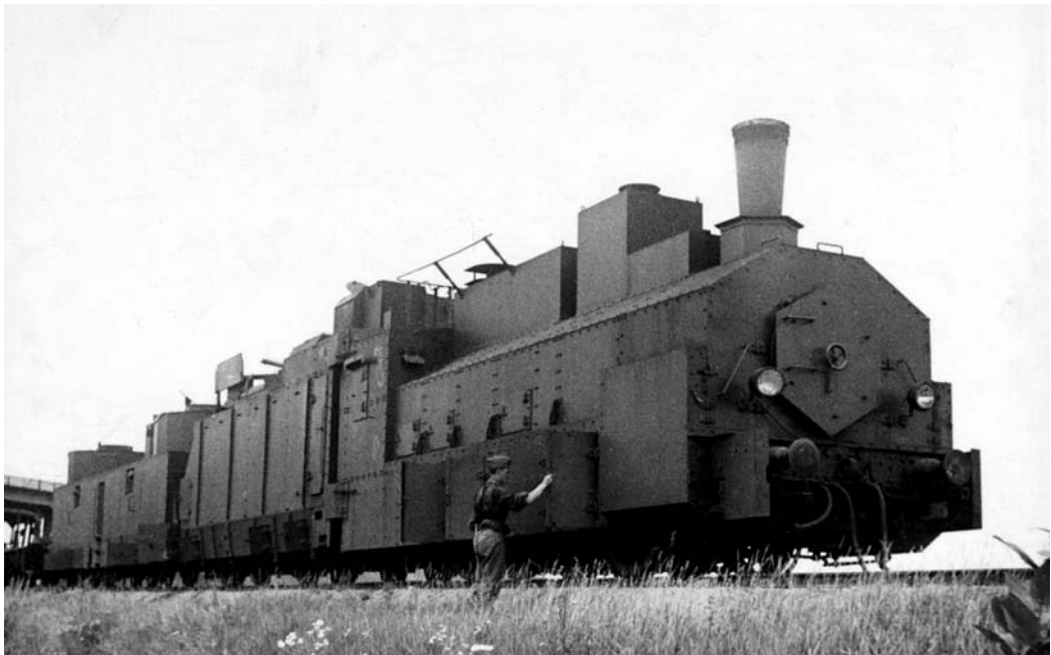
Политическое значение качественно новых отношений Советского Союза с западными державами, создание с ними коалиции выходило за рамки сугубо военного взаимодействия на время войны. Установление союзнических связей между СССР и капиталистическими государствами, десятилетиями проводившими откровенно антисоветскую политику, означало крах попыток сдерживания и изоляции Советского Союза на международной арене, признание его роли в мировых делах. Это требовалось закрепить политико-дипломатическими средствами.

Изменившиеся реалии необходимо было использовать для обеспечения долгосрочных интересов СССР. Уже тогда нужна была развернутая программа послевоенного урегулирования, нацеленная на надежное укрепление международной стабильности и советских внешнеполитических позиций. Требовалось согласовать с западными союзниками общую линию государств, противостоящих фашистскому блоку, в вопросе об ответственности военных преступников.

Взяв курс на установление тесного взаимодействия с противниками нацистской Германии, отечественная дипломатия придавала первостепенное значение диалогу с Великобританией. Однако даже перед лицом общей опасности найти верную тональность для обеспечения партнерского диалога с Лондоном было непросто. Перестройку советско-английских

Расчет немецкой гаубицы

Советский бронепоезд, уничтоженный немецкой артиллерией у Новоград-Волынского

Румынские артиллеристы ведут огонь из пушки во время боя в Молдавии

Немецкий пулеметный расчет на позиции в Литве

отношений затрудняли не только идеологические противоречия и различия в общественно-политическом строе СССР и Великобритании, предопределившие конфронтацию между ними в 1920–1930-е гг. Взаимное недоверие и настороженность основывались и на недавнем политическом опыте.

Английская политика во многом способствовала ремилитаризации Германии, росту там реваншистских настроений и агрессивности. Англия осенью 1938 г. активно участвовала в мюнхенском стоворе с А. Гитлером и Б. Муссолини, приведшем к гибели Чехословакии и развалу важной межгосударственной структуры, обеспечивающей безопасность в Европе. Именно на английской стороне лежала значительная доля вины за срыв в августе 1939 г. советско-англо-французских переговоров о заключении договора взаимопомощи. Не забыты были, конечно, и военные приготовления англичан против Советского Союза весной 1940 г.

В то же время в британских политических кругах болезненно воспринимали заключение советско-германского договора о ненападении и поход Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию осенью 1939 г., а также Советско-финляндскую войну 1939–1940 гг. Негативно реагировали в Великобритании и на присоединение Прибалтийских республик к СССР. Кроме того, некоторые представители английской стороны высказывали серьезные сомнения в способности СССР отразить немецкую агрессию.

Тем не менее Советский Союз и Великобритания смогли в изменившейся обстановке достаточно быстро найти общий язык, хотя трения между ними, порой серьезные, существовали в течение всей войны. Большое значение для делового советско-английского диалога имели переписка и личные контакты между руководителями обеих стран.

Важным шагом к установлению подлинно союзнических отношений между СССР и Великобританией стало заключение 12 июля 1941 г. советско-английского соглашения о совместных действиях в войне против Германии. В его основе лежали взаимные обязательства сторон об оказании друг другу помощи и поддержки всякого рода, а также отказе от ведения сепаратных переговоров с противником и заключения с ним сепаратного мира. Соглашение положило начало формированию антигитлеровской коалиции, стало первым документом, в котором СССР и Великобритания выступили как равноправные партнеры, взявшие на себя вполне конкретные обязательства по отношению друг к другу.

Непросто накануне фашистского вторжения в СССР складывались советско-американские отношения. Только в январе 1941 г. США отказались от «морального эмбарго» применительно к СССР, введенного в связи с Советско-финляндской войной 1939–1940 гг. и серьезно сказавшегося на двусторонних связях. В американских правящих и деловых кругах, в конгрессе постоянно ощущались антисоветские настроения.

Бывший английский премьер-министр Д. Ллойд-Джордж в мае 1941 г. заметил в этой связи в беседе с И. М. Майским, что «сейчас Уолл-стрит более враждебен к СССР, чем лондонский Сити. В результате получается, что когда британское правительство даже хочет сделать какой-либо шаг для улучшения советско-английских отношений, Вашингтон ставит ему палки в колеса»¹. На двусторонних советско-американских отношениях болезненно сказывался также целый ряд дипломатических инцидентов.

Как подчеркнул В. М. Молотов в беседе с американским послом Л. Штейнгардтом 29 июня 1941 г., в Советском Союзе оценили позицию, занятую США в связи с нападением Германии, как «не вполне ясную»². Но главное — Вашингтон не спешил оказать помощь СССР: на советские заявки о поставках военных материалов и промышленного оборудования реакция американских правящих кругов была явно замедленной. Не складывался и политический диалог.

Советский Союз также беспокоила неопределенность позиции США в отношении Японии. На фоне ставшей вполне серьезной угрозы японского нападения на советский Дальний Восток перед советской дипломатической службой была поставлена задача выяснить, «какие меры американское правительство может и хочет предпринять для предотвращения или затруднения выступления против СССР Японии и какова будет его позиция в случае такого

выступления». Посол СССР в США получил прямые указания добиваться от президента Ф. Рузвельта публичного или конфиденциального демарша перед правительством Японии с целью предупредить последнее против враждебных действий в отношении СССР³. Однако американские должностные лица, в том числе президент США, предпочитали не давать ответа на прямо поставленные советской стороной вопросы⁴.

Но постепенно советско-американские отношения стали наполняться практическим содержанием. Полезной в этом плане оказалась поездка в Москву в конце июля 1941 г. советника президента США Г. Гопкинса, по итогам которой в Соединенных Штатах сделали вывод об отсутствии в СССР пораженческих настроений и целесообразности оказания ему помощи⁵.

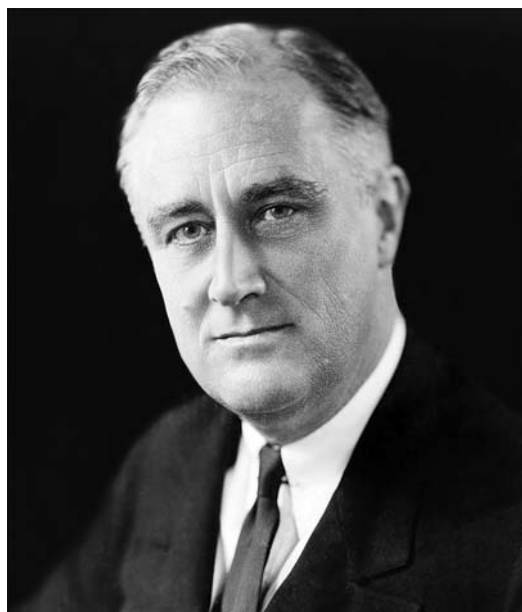
Важнейшим направлением внешнеполитической деятельности Советского Союза в годы войны стало противодействие расширению фашистской коалиции и пресечению попыток распространения влияния стран оси на сопредельные СССР нейтральные государства. Особого дипломатического мастерства потребовала настойчиво и целенаправленно проводившаяся деликатная дипломатическая работа по использованию противоречий в коалиции агрессоров для ее ослабления и перехода на сторону антифашистского союза ее участников. В интересах антифашистской борьбы умело использовались возможности нейтральных государств. Для более оперативной работы по развитию отношений с представительствами расположенных в Лондоне эмигрантских правительств и в связи большой загруженностью посла СССР в Великобритании И. М. Майского было решено создать в Лондоне еще один дипломатический пост — посла при находившихся там союзных правительствах. Первым на этот пост был назначен опытный дипломат А. Е. Богомолов⁶.

Перед советской внешней политикой стояла также масштабная задача оказания помощи народам оккупированных стран Европы. Необходимо было не только содействовать их вооруженной борьбе с фашистскими поработителями, обеспечить освобождение оккупированных государств, но и оказать помощь восстановлению ими утраченной государственности и национального суверенитета.

С первых месяцев Великой Отечественной войны НКВД развернул энергичную работу по установлению и нормализации отношений с правительствами оккупированных нацистской Германией государств. Особый акцент при этом был сделан на славянские государства Восточной Европы, народы которых имели многовековой опыт противостояния германской экспансии и угнетению. В этих государствах сопротивление гитлеровским захватчикам носило наиболее организованный и массовый характер. В первую очередь руководство НКВД приняло меры по установлению отношений с находившимися в эмиграции правительствами Чехословакии и Польши.

Восстановление в июле 1941 г. дипломатических связей между Советским Союзом и Чехословацкой Республикой (ЧСР), ставшей одной из первых жертв агрессивной гитлеровской политики, приобрело большое политическое и пропагандистское звучание. СССР и ЧСР договорились о формировании национальных чехословацких воинских частей на советской территории. Позднее возглавляемое Э. Бенешем чехословацкое правительство в эмиграции первым выступило за заключение с Советским Союзом договора о взаимопомощи не только во время войны, но и в послевоенный период.

Труднее развивался диалог с находившимся в Лондоне польским правительством в эмиграции. Взаимопонимание сторон осложняло наследие 1939 г. Изменению ситуации способствовала заявленная советской стороной политика воссоздания независимого государства в границах национальной Польши. При этом вопрос о характере государственного режима в возрожденной Польше советское правительство считало ее внутренним делом⁷. Советская сторона придавала большое значение нормализации отношений с польским правительством в эмиграции. В начале декабря 1941 г. состоялся визит в Москву его главы генерала В. Сикорского, которого лично принял И. В. Сталин. Результатом визита стала межправительственная декларация «О дружбе и взаимной помощи», подписанная сторонами 4 декабря 1941 г.⁸

Ф. Рузвельт

Г. Гопкинс

Визит в Москву Г. Гопкинса — близкого друга и советника президента США Ф. Д. Рузвельта. Конец июля 1941 г.

СОГЛАШЕНИЕ

О СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР И
ПРАВИТЕЛЬСТВА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА В СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВ-
СТВЕ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ.

Правительство Союза ССР и Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве заключили настоящее Соглашение и декларируют о следующем:

1. Оба Правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.
2. Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия.

Настоящее Соглашение заключено в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках.

Оба текста имеют одинаковую силу.

Москва, "12" июля 1941 года.

ПО УПОЛНОМОЧИЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА
СОЮЗА ССР - ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕД-
СЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КО-
МИССАРОВ СССР И НАРОДНЫЙ КО-
МИССАР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

В. Маслов

ПО УПОЛНОМОЧИЮ ПРАВИТЕЛЬ-
СТВА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА В СОЕ-
ДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ -
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ
ПОСОЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА В СССР

Arthur Cupps

С О Г Л А Ш Е Н И Е
МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ О ВЗАИМНЫХ ПОСТАВКАХ,
КРЕДИТЕ И ПОРЯДКЕ ПЛАТЕЖЕЙ.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (называемое ниже "Правительство Соединенного Королевства"), желая договориться о взаимных поставках и о связанных с ними платежах, согласились о следующем:

Статья 1

а) Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Соединенного Королевства условились поставлять друг другу товары. Такие взаимные поставки товаров будут регулироваться особыми списками, подлежащими согласованию между обеими Договаривающимися Сторонами. Эти списки могут дополняться или изменяться по соглашению между обеими Договаривающимися Сторонами.

б) Если какая либо Договаривающаяся Сторона попросит другую Сторону действовать в качестве ее агента по закупке любых товаров в третьих странах, то такая сделка

не будет подпадать под действие настоящего Соглашения.

Статья 2

Если не будет иной письменной договоренности, принятие товаров, поставляемых согласно статьи 1 настоящего Соглашения, будет производиться:

- а) в случаях, когда отправка совершается на судах иных, чем суда продавца, - в порту отгрузки; и
- б) в случаях, когда отправка осуществляется на судах продавца, - в порту разгрузки.

Статья 3

а) Цены, взимаемые продавцом с покупателя за товары, поставляемые согласно статьи 1 настоящего Соглашения, будут основываться на мировых ценах. Однако, в отношении цены на любой товар, касательно которого Правительство Соединенного Королевства имеет или будет иметь соглашение с Правительством любого иностранного государства, заключенное после 2-го сентября 1939 года, Союз Советских Социалистических Республик будет пользоваться режимом по крайней мере столь же благоприятным, каким пользуется эта страна.

б) Цены будут во всех случаях исчисляться фоб порт отгрузки; покупатель будет оплачивать фрахт от этого порта и далее и будет нести риски морской перевозки.

в) Все контракты будут заключаться в фунтах стерлингов, причем цены, которые нормально котируются в долларах США, будут пересчитываться в фунты стерлингов по официальному среднему курсу для долларов США в Лондоне в день заключения контракта.

Статья 4

Торговая Делегация Союза Советских Социалистических Республик в Соединенном Королевстве и Британское Правительственное Бюро по страхованию от военных рисков договорятся о страховании от морского и военного рисков товаров, закупленных советскими организациями согласно настоящему Соглашению, советских судов, совершающих перевозку этих товаров, а также золота и таких других, принадлежащих Союзу Советских Социалистических Республик, грузов и судов, обслуживающих перевозку этих грузов, которые время от времени будут согласовываться между Договаривающимися Сторонами.

Статья 5

а) Все платежи между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством за предусмотренные настоящим Соглашением поставки будут производиться, по получении уведомления о том, что поставки товаров произведены, в фунтах стерлингов через счет, который должен быть открыт в Банке Англии (ниже называемый "Счет") на имя Государственного

Банка Союза Советских Социалистических Республик. Для этой цели Государственный Банк Союза Советских Социалистических Республик и Банк Англии совместно договорятся о технических мероприятиях, необходимых для осуществления указанных платежей.

б) Погашение Правительством Союза Советских Социалистических Республик существующей задолженности по Соглашению о гарантии экспортных кредитов 1936 года может также производиться в каждый трехмесячный период через Счет, в пределах стоимости товарных поставок Правительства Союза Советских Социалистических Республик по настоящему Соглашению за этот период.

в) Через Счет могут также производиться другие платежи, о которых оба Банка могут время от времени договариваться с одобрения их соответствующих Правительств.

Статья 6

Счет будет балансироваться тридцать первого октября 1941 года и впоследствии в конце каждого трехмесячного периода. Всякое дебетовое сальдо будет регулироваться следующим образом:

а) В размере 40% - фунтами стерлингов, полученными Государственным Банком Союза Советских Социалистических Республик от продажи Банку Англии долларов США или золота, подлежащего доставке в центры, согласо-

вываемые между Государственным Банком Союза Советских Социалистических Республик и Банком Англии, или поставкой платины в таких количествах, которые Правительство Соединенного Королевства будет время от времени устанавливать, причем стоимость этой платины в фунтах стерлингов будет согласовываться между обоими Правительствами.

Продажи долларов США Банку Англии будут производиться по официальному среднему курсу для долларов США в Лондоне в день продажи.

Продажи золота Банку Англии будут производиться, при отсутствии иной договоренности между Государственным Банком Союза Советских Социалистических Республик и Банком Англии, по официальной цене золота в США в день продажи, причем доллары США будут пересчитываться в фунты стерлингов по официальному среднему курсу для долларов США в Лондоне в день продажи.

б) В размере 60%-в фунтах стерлингов, подлежащих внесению на Счет Правительством Соединенного Королевства в порядке кредитования Правительства Союза Советских Социалистических Республик.

Всякое кредитовое сальдо будет находиться в свободном распоряжении Государственного Банка Союза Советских Социалистических Республик.

Статья 7

а) Общая сумма ссуд, предоставленных согласно настоящему Соглашению Правительством Соединенного Королевства Правительству Союза Советских Социалистических Республик, не будет превышать суммы в десять миллионов фунтов стерлингов. Когда общая сумма этих ссуд будет приближаться к указанной сумме в десять миллионов фунтов стерлингов, Договаривающиеся Стороны войдут в переговоры о дальнейшем кредите, который будет предоставлен на тех же условиях и использован в тех же целях, которые изложены в настоящем Соглашении.

б) Сумма каждой выдаваемой таким образом ссуды будет погашаться в фунтах стерлингов или в долларах США, по выбору Правительства Союза Советских Социалистических Республик, - пятью равными годовыми взносами, из которых первый будет уплачен в конце третьего года и последний в конце седьмого года, считая в каждом случае со дня выдачи ссуды.

в) Проценты, считая каждый раз со дня выдачи ссуды, по ставке три процента годовых от суммы задолженности по ссудам, будут оплачиваться в фунтах стерлингов или в долларах США, по выбору Правительства Союза Советских Социалистических Республик, по полугодиям - тридцатого апреля и тридцать первого октября.

г) Пересчет фунтов стерлингов в доллары США, в целях исчисления платежей согласно настоящей статьи, будет производиться по официальному среднему курсу для долларов США в Лондоне в день наступления срока платежа.

Заключительная статья

Настоящее Соглашение вйдет в силу в день подписания и будет действовать в течение всего периода использования кредитов и производства поставок по этому Соглашению.

В свидетельстве чего нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные своими соответствующими Правительствами для этой цели, подписали настоящее Соглашение и приложили к нему свои печати.

Совершено в Москве в двух экземплярах 16 Августа 1941 года, на русском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

От имени Правительства
Союза Советских Социалистических Республик

A. Mikhlin

От имени Правительства
Соединенного Королевства
Великобритании и Северной Ирландии

R. Stafford Cripps

Д О Г О В О Р

МЕЖДУ СССР И СОЕДИНЕННЫМ КОРОЛЕВСТВОМ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ
О СОЮЗЕ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ И ЕЕ СО-
ОБЩИКОВ В ЕВРОПЕ И О СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ
ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социали-
стических Республик и

Его Величество король Великобритании, Ирландии и
британских владений за морями, император Индии,

желая подтвердить условия Соглашения между Правитель-
ством Союза Советских Социалистических Республик и Прави-
тельством Его Величества в Соединенном Королевстве о сов-
местных действиях в войне против Германии, подписанного в
Москве 12 июля 1941 года, и заменить его формальным догово-
ром;

желая содействовать после войны поддержанию мира и
предупреждению дальнейшей агрессии со стороны Германии или
государств, связанных с нею в актах агрессии в Европе;

желая далее дать выражение своему намерению к тесному
сотрудничеству друг с другом, а также с другими Об"единен-
ными Нациями при выработке Мирного Договора и во время пос-
ледующего периода реконструкции на базе принципов, провоз-
глашенных в декларации Президента Соединенных Штатов Амери-
ки и Премьер-Министра Великобритании от 14 августа 1941 г.,
к которой присоединилось также Правительство Союза Советс-
ких Социалистических Республик;

желая, наконец, обеспечить взаимную помощь в случае
нападения на одну из Высоких договаривающихся Сторон
Германии или всякого иного государства, связанного с ней
в актах агрессии в Европе,

решили с этой целью заключить Договор и назначили в
качестве своих полномочных представителей

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик Вячеслава Михайловича Молотова,
Народного Комиссара Иностранных Дел,

Его Величество король Великобритании, Ирландии и британских владений за морями, император Индии от имени Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Достопочтенного Антони Идена, Члена Парламента, Министра Иностранных Дел Его Величества,

которые по пред"явлении своих полномочий, найденных в надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

Часть I

Статья I. В силу союза, установленного между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством, Высокие Договаривающиеся Стороны взаимно обязуются оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе.

Статья II. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе, иначе, как по взаимному согласию.

Часть II

Статья III./I/ Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют о своем желании об"единиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях в послевоенный период в целях сохранения мира и сопротивления агрессии.

/2/ Впредь до одобрения таких предложений они примут после окончания военных действий все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе.

Статья IV. Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон в послевоенный период снова окажется вовлеченной в военные действия с Германией или всяким иным государством, упомянутым в статье III /пункт 2/, в результате нападения этого государства на данную сторону, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона сразу же окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной таким образом в военные действия, всякую военную и другую помощь и содействие, лежащие в ее власти.

Эта статья останется в силе до того, как по обоюдному согласию Высоких Договаривающихся Сторон она будет признана излишней, в виду принятия ими предложений, упомянутых в статье III /I/. Если таковые предложения не будут приняты, она останется в силе на период в 20 лет и после того впредь до отказа от нее со стороны любой из Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии с условиями статьи УШ.

Статья У. Высокие Договаривающиеся Стороны с учетом интересов безопасности каждой из них согласились работать совместно в тесном и дружеском сотрудничестве после восстановления мира в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе. Они будут принимать во внимание интересы Об"единенных Наций в осуществлении указанных целей и будут также действовать в соответствии с двумя принципами - не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств.

Статья VI. Высокие Договаривающиеся Стороны согласились оказывать друг другу после войны всякую взаимную экономическую помощь.

Статья VII. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны.

Статья VIII. Настоящий Договор подлежит ратификации в кратчайший срок и обмен ратификационными грамотами должен произойти в Москве возможно скорее.

Он вступает в силу немедленно по обмене ратификационными грамотами и после того заменит собой Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве, подписанное в Москве 12 июля 1941 года.

Часть I-я настоящего Договора остается в силе до восстановления мира между Высокими Договаривающимися Сторонами и Германией и державами, связанными с ней в актах агрессии в Европе.

Часть II-я настоящего Договора остается в силе на период 20 лет. После того, если одна из Договаривающихся Сторон в конце указанного периода в 20 лет не сделает за 12 месяцев до срока заявления о своем желании отказаться от Договора, он будет продолжать оставаться в силе до тех пор, пока одна из Договаривающихся Сторон не сделает 12-месячного письменного

предупреждения о своем намерении прекратить его действие.

В свидетельство чего вышеназванные полномочные представители подписали настоящий Договор и приложили к нему свои печати.

Учинен в Лондоне в 2-х экземплярах на русском и английском языках 26 мая 1942 года.

Оба текста имеют одинаковую силу.

N. Molotov

Winston Eden

ОСОБО СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ

Конференции в составе Государственного Секретаря Соединенных Штатов Америки г-на К.Хэлла, Министра Иностраннх Дел Соединенного Королевства г-на А.Идена и Народного Комиссара Иностраннх Дел Союза Советских Социалистических Республик В.М.Молотова,
происходившей в Москве 19-30 октября 1943 года.

В обсуждении участвовали:

- от США - г-н Гарриман, генерал-майор Дин, бригадный генерал Ванденбург, капитан Уэйр.
- от Великобритании - г-н Керр, генерал Исмей.
- от СССР - Маршал К.Е.Ворошилов, А.Я.Вышинский, генерал-майор Грызлов.

"РАССМОТРЕНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ПО СОКРАЩЕНИЮ СРОКОВ ВОЙНЫ ПРОТИВ
ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ И ЕЕ СОЮЗНИКОВ В ЕВРОПЕ"

(Внесено Советской Делегацией 19 октября 1943 г.)

По поставленному в повестке дня Конференции представителям Правительства США, Соединенного Королевства и СССР вопросу Народный Комиссар Иностраннх Дел В.М.Молотов внес 19 октября с.г. следующие предложения, которые были вручены в письменном виде г.Антони Идену и г.Кордэллу Хэллу:

"В целях сокращения сроков войны имеется в виду:

1. Осуществить такие безотлагательные мероприятия со стороны Правительств Великобритании и США еще в 1943 г., которые обеспечат вторжение англо-американских армий в Северную Францию и которые, наряду с мощными ударами советских войск по основным силам германской армии на советско-германском фронте, должны коренным образом подорвать военно-стратегическое положение Германии и привести к решительному сокращению сроков войны.

В связи с этим Советское Правительство считает необходимым выяснить, остается ли в силе заявление г-на Черчилля и г-на Рузвельта в начале июня 1943 года о том, что англо-американские войска осуществят вторжение в Северную Францию весной 1944 года.

2. Сделать Турецкому Правительству предложение от имени трех держав о немедленном вступлении Турции в войну.

3. Сделать Швеции предложение от имени трех держав о предоставлении союзникам авиационных баз для борьбы против Германии".

В отношении п.1 предложений Совет- Народный Комиссар Иностран-ской Делегации от 19 октября 1943 года ных Дел В.М.Молотов за-Министр Иностраннх Дел Великобритании явил, что Советское Пра-

г-н Иден и Государственный Секретарь США г-н Хэлл подтвердили 20 октября 1943 года, что заявление, сделанное британским генерал-лейтенантом Исмеем и американским генерал-майором Дином (см. приложение: заявление генерал-лейтенанта Исмея и заявление генерал-майора Дина), являются точным отражением самых последних решений их Правительства, принятых на Квебекской конференции в августе 1943 года.

Что касается вопроса, поставленного Советской Делегацией о том, остается ли в силе заявление, сделанное г-ном Черчиллем и г-ном Рузвельтом в начале июня 1943 года относительно того, что англо-американские войска осуществят вторжение в Северную Францию весной 1944 года, - то г-н Иден и г-н Хэлл дали утвердительный ответ, заявив, что решение предпринять вторжение в Северную Францию весной 1944 года было подтверждено на последней Конференции в Квебеке при соблюдении условий, упомянутых генералом Исмеем в его заявлении. Г-н Иден и г-н Хэлл добавили, что это решение не изменилось, и приготовления для осуществления указанной выше операции проводятся в данное время так быстро, как возможно.

б) В отношении пунктов 2-го и 3-го предложений Советской Делегации (о Турции и Швеции).

вительство принимает к сведению заявления г.Идена и г.Хэлла, а также заявление ген-лейтенанта Исмея и ген-майора Дина и выражает надежду, что изложенный в этих заявлениях план вторжения англо-американских войск в Северную Францию весной 1944 г. будет осуществлен в срок.

Г-н Хэлл, г-н Иден и В.М.Молотов признают желательным, чтобы Правительства Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Советского Союза продолжили изучение вопроса о Турции и Швеции.

(с) Делегаты Соединенных Штатов представили Конференции следующие предложения:

(1) Чтобы, в целях осуществления сквозной бомбардировки промышленной Германии, были предоставлены базы на территории СССР, на которых самолеты США могли бы пополнять запасы горючего, производить срочный ремонт и пополнять боеприпасы.

(2) Чтобы более эффективно осуществлялся взаимный обмен сведениями о погоде. Для того, чтобы достигнуть этого, необходимо укрепить средства связи между США и СССР.

(3) Чтобы было улучшено воздушное сообщение между этими двумя странами.

В.М.Молотов сказал, что СССР в принципе согласен на предложения Соединенных Штатов и что соответствующим советским властям будет дано указание встретиться с генералами Дином и Ванденбургом для обсуждения конкретных мероприятий, которые были бы необходимы для осуществления этих предложений.

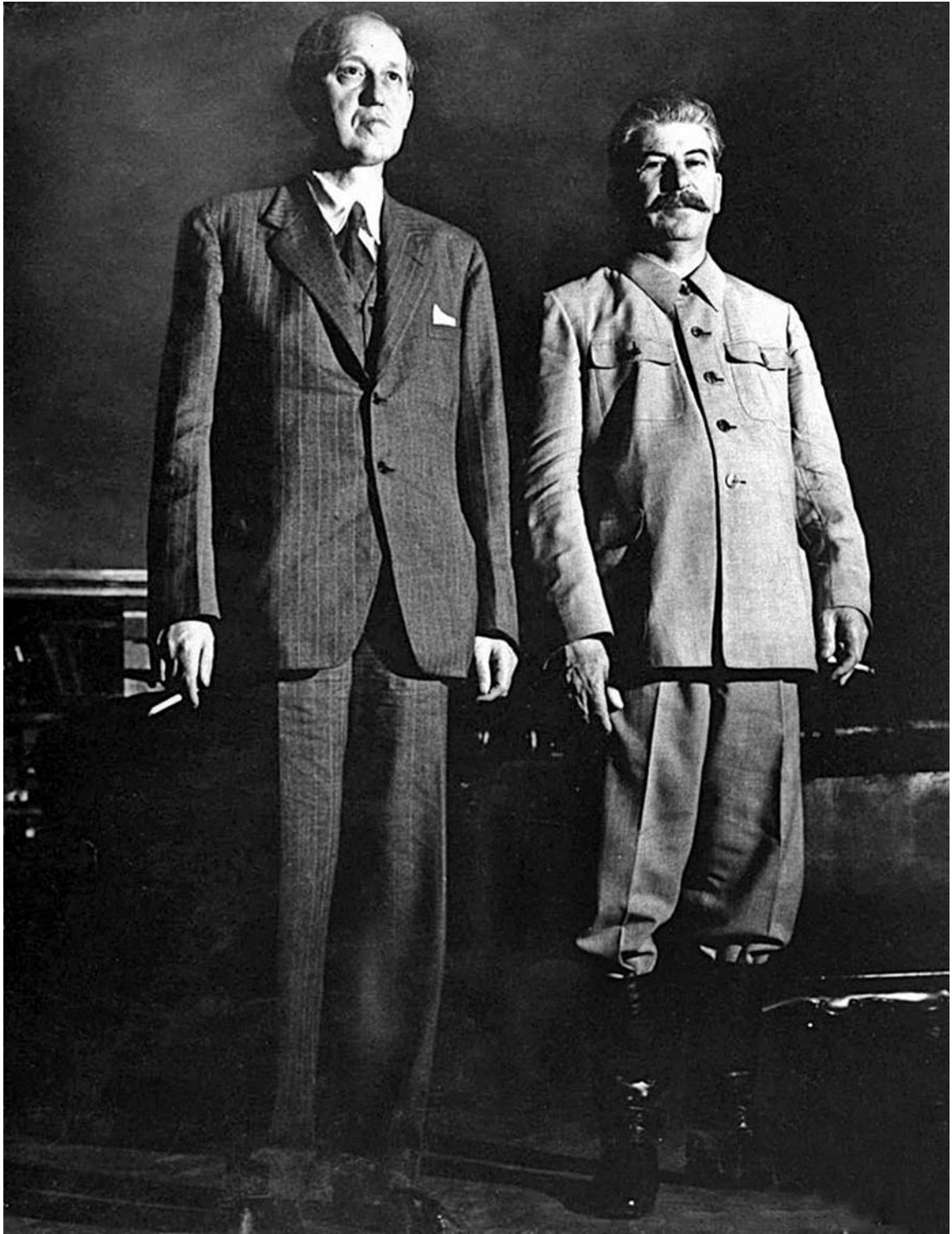
Москва, ... ноября 1943 года.

Corde Hue

В. Молотов

Franklyn Eden

Г. Гопкинс и И. В. Сталин

И. М. Майский

К. А. Уманский

Война подтвердила значение задачи поддержания дружественных отношений с сопредельными Советскому Союзу государствами, сохранявшими нейтралитет. Такие отношения были гарантией надежности советского тыла в период напряженных военных действий на советско-германском фронте. В условиях ожесточенного противоборства Красной армии с немецко-фашистскими захватчиками вполне реальной становилась угроза использования противником территорий этих стран для враждебных действий против Советского Союза.

Усилия по противодействию фашистской агентуре в Турции, Иране и Афганистане, недопущение изменений их внешнеполитического курса, препятствование сближению этих стран с фашистским альянсом также стали важной частью внешнеполитической деятельности СССР. Причем особенностью дипломатической работы на этом направлении была тесная координация действий с английскими союзниками.

Существенное значение для удержания Турции от втягивания в планы стран оси имел советско-английский демарш, предпринятый в августе 1941 г. В согласованных представлениях двух правительств отмечалась готовность уважать территориальную неприкосновенность Турции и оказать ей всяческую помощь и содействие в случае нападения со стороны какой-либо европейской державы. Этот демарш сыграл положительную роль для укрепления турецких позиций в условиях усиливавшегося немецкого нажима на Анкару.

Отечественная дипломатия предпринимала активные меры по вытеснению германского влияния из Ирана, добиваясь прекращения враждебной деятельности там германской агентуры и высылки из страны наиболее активных деятелей немецкой «пятой колонны». Фактическое бездействие иранских властей в этой связи сделало необходимым ввод на иранскую территорию советских и английских войск в августе 1941 г.

События в Иране стали серьезным предупреждением для афганских властей. Афганское правительство быстро отреагировало на одновременные демарши советского и английского правительств 11 октября 1941 г., содержавшие рекомендации выслать из страны членов немецкой и итальянской колонии и взять под строгое наблюдение деятельность миссий Германии и Италии.

Центральное место в повседневной работе по развитию отношений СССР с зарубежными государствами, особенно с западными державами, занимали советские послы. От их авторитета и влияния в политических, общественных и журналистских кругах, устойчивых связей, дипломатического мастерства во многом зависело взаимодействие с западными державами. К началу Великой Отечественной войны в НКВД сформировалась группа дипломатов «нового призыва», уже имевших некоторый опыт работы в центральном аппарате и за рубежом. Им уделяли внимание руководители СССР, следившие за их профессиональным ростом. Значительный вклад в укрепление внешнеполитических позиций СССР в военные годы внесли А. Е. Богомолов, С. А. Виноградов, А. А. Громыко, Ф. Т. Гусев, А. И. Лаврентьев, В. З. Лебедев, Я. А. Малик, Г. М. Пушкин. В начальный период войны среди советских послов выделялись опытные и авторитетные И. М. Майский и К. А. Уманский.

Во многом усилиями И. М. Майского в июле 1941 г. было заключено соглашение о совместных действиях против Германии, началось сближение с находившимися в эмиграции чехословацким и польским правительствами. Ему принадлежала также инициатива организовать имевшую большое значение для советско-американского диалога поездку в Москву Г. Гопкинса — советника и близкого друга президента США.

Совершенно в другой политической атмосфере приходилось работать послу в США К. А. Уманскому. Посольство под его руководством не смогло добиться от американцев ответа на крайне важные для Москвы вопросы, связанные с перспективами политики США в условиях нарастающей на Дальнем Востоке военной угрозы. В результате уже в ноябре 1941 г. К. А. Уманского на посту посла в Вашингтоне сменил многоопытный дипломат, бывший нарком иностранных дел М. М. Литвинов.

Война потребовала также серьезных организационных перемен в Народном комиссариате иностранных дел, который являлся одним из важнейших и наиболее авторитетных институтов в структуре государственного управления Советского Союза. Возглавлявший его нарком В. М. Молотов входил в число высших руководителей Советского государства. После начала Великой Отечественной войны его роль еще более возросла — он стал также заместителем Председателя Государственного Комитета Обороны. Это в полной мере отражало рост значения НКВД и важность возложенных на него задач.

В условиях начавшейся войны организованно и слаженно работали советские дипломатические загранучреждения, в том числе во вражеских странах. Тяжелые испытания выпали на долю сотрудников посольства в Берлине, оказавшихся в полной изоляции. Однако весь посольский аппарат — как оперативно-дипломатический, так и административно-технический состав — работал в этих условиях самоотверженно. В действие был введен план мероприятий на случай чрезвычайной ситуации. В установленном в подобных случаях порядке были уничтожены секретные документы и шифры, а также архивы и консульские материалы.

Руководство НКВД буквально в первые часы вражеского нашествия приняло меры, связанные с обменом советских и германских дипломатов. Многие советские граждане были арестованы, заключены в концентрационные лагеря, их пытались склонить к измене Родине. Тяжелейшие испытания выпали на долю дипломатов и членов их семей в ходе эвакуации через восточноевропейские страны и Балканы в заплombированных железнодорожных вагонах без пищи и воды.

Настойчивая работа аппарата НКВД после сложных переговоров при посредничестве шведской и болгарской миссий в Москве, принявших на себя защиту, соответственно, советских интересов в Германии и немецких — в СССР, увенчалась договоренностью об одновременном обмене советских и германских граждан. В результате 979 советских граждан возвратились домой, а из СССР было репатриировано 237 граждан Германии.

В первые недели войны в обстановке высокого патриотического подъема почти все сотрудники наркомата и все слушатели Высшей дипломатической школы записались в народное ополчение или вступили в ряды Красной армии. В отделах остались один-два

человека, что потребовало выборочного отзыва сотрудников НКВД из ополчения и даже с фронта. Позднее аппарат стал пополняться также за счет дипломатов, возвратившихся из-за рубежа. Резкое увеличение объема служебной деятельности вызвало необходимость перевода НКВД на круглосуточный режим работы⁹. И в центральном аппарате, и в зарубежных представительствах дипломаты активно включились в решение новых задач, стоявших перед НКВД, в первую очередь связанных с развертыванием взаимодействия с западными державами, а также с отслеживанием ситуации на сложном дальневосточном направлении и у южных границ СССР. Это потребовало от них напряжения всех сил, организованности и во многом новых подходов.

В октябре 1941 г. основной состав НКВД и члены дипломатического корпуса в связи с ухудшением военной ситуации были эвакуированы из Москвы в Куйбышев, где аппарат наркомата возглавлял А. Я. Вышинский. В. М. Молотов с группой сотрудников все годы Великой Отечественной войны находился в Москве. Такое размещение руководства и основных подразделений НКВД создавало существенные неудобства, поскольку информация от советских представителей за рубежом шла прямо на стол к И. В. Сталину без экспертной оценки в наркомате. Кроме того, это делало необходимым частые командировки сотрудников НКВД в Москву.

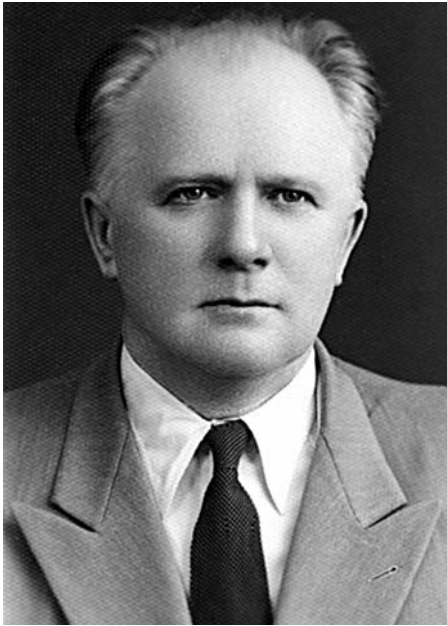
В наркомате заблаговременно, еще в июне, был принят план первоочередных мер по отправке в тыл наиболее ценных материалов, установивший очередность эвакуации из Москвы архивных документов с учетом их важности. В приоритетном порядке были подготовлены к вывозу договоры, ноты, архивы секретариатов, коллегии и т. п. Позднее была создана специальная комиссия по разгрузке архивов от материалов, не имеющих оперативного и научно-исторического значения. Отобранные материалы в течение июля — августа по железной дороге были отправлены в Куйбышев и Мелекесс, где немедленно приведены в рабочее состояние.

С учетом произошедших изменений во внешнеполитических приоритетах Советского Союза и в кадровой ситуации в наркомате произошла реорганизация, связанная с внутренней перегруппировкой имевшихся сил. Во второй половине 1941 г. структура НКВД была изменена за счет реорганизации и переименования отделов, ведавших европейскими странами: 1-й европейский отдел стал курировать Западную и Северную Европу, 2-й европейский отдел — Великобританию и доминионы, 3-й европейский отдел — вражеские государства, 4-й европейский отдел занимался Балканами и Чехословакией, в одно подразделение объединили два американских отдела. Такая структура НКВД просуществовала до 1944–1945 гг.

Тем не менее в ходе войны с учетом качественно новых проблем, возникших перед советской внешней политикой, на базе НКВД создавались специальные комиссии для обсуждения особо важных вопросов, в частности связанных с послевоенным урегулированием. В эти комиссии наряду с видными государственными деятелями, военачальниками и учеными привлекались сотрудники наркомата.

С началом Великой Отечественной войны перед отечественной дипломатией по-новому встала задача организации информационного обеспечения внешнеполитической деятельности СССР. НКВД и посольства сыграли важную роль в окончательном прорыве сохранявшейся на Западе информационной блокады нашей страны.

Необходимость создания особого оперативного органа для освещения событий на фронтах военных действий с фашистской Германией и ее союзниками, а также для противодействия вражеской пропаганде, в том числе за рубежом, остро обозначилась буквально с первых дней войны. Созданную для этой цели государственную структуру — Советское информационное бюро возглавил секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков. Его заместителем стал С. А. Лозовский, сохранивший за собой пост заместителя наркома иностранных дел. С. А. Лозовский и курируемый им отдел печати НКВД внесли особый вклад в организацию и развертывание деятельности Совинформбюро, работа которого отличалась оперативностью и точностью реакции.

А. И. Лаврентьев

В. З. Лебедев

Существенное значение для разьяснения в Англии положения на советско-германском фронте имел издававшийся в Лондоне ежедневный бюллетень «Советские военные новости», тираж которого вырос в конце войны до 50 тыс. экземпляров. В Швеции большой популярностью пользовался выпускавшийся советским посольством бюллетень, тираж которого в 1942 г. составлял 10 тыс. экземпляров.

Важным направлением работы для советских дипломатов стало их непосредственное участие в общественных мероприятиях — конференциях, митингах и собраниях, проводившихся в союзных государствах. Их выступления перед представителями политических и деловых кругов, учащимися, на промышленных предприятиях и в портах с рассказами о военной ситуации на советско-германском фронте и в Советском Союзе имели важное политическое и пропагандистское значение. В работе по сбору средств на нужды Красной армии и нашего тыла наряду с дипломатами активно участвовали и члены их семей.

Деятельность советских диппредставительств и их сотрудников в годы войны проходила в трудных, нередко опасных условиях. Даже переезд сотрудников к месту работы в Англии, Швеции, на Американский континент был связан с большим риском. Дипломатические представительства в Англии, Японии, Китае работали в обстановке постоянной угрозы массированных воздушных налетов. При этом материальные условия жизни советских дипломатов были очень скромными. Тем не менее сотрудники загранучреждений добровольно отчисляли в Фонд обороны значительную часть своей заработной платы.

Ведущая роль Советского Союза в борьбе с фашистской Германией и ее сателлитами способствовала укреплению международных позиций и авторитета СССР на мировой арене. Это проявилось, в частности, в расширении системы международных отношений Советского Союза с зарубежными государствами, увеличении числа советских представительств за рубежом и иностранных — в Москве. Если до фашистского нашествия СССР имел дипломатические отношения с 28 государствами, то в 1943 г., после Тегеранской конференции, — уже с 31 государством, а в мае 1945 г., после победы над фашистской Германией, — с 41 государством. Возросший объем работы продиктовал увеличение числа сотрудников НКВД с 641 человека в 1941 г. до 775 человек в 1945 г.¹⁰

Посол Великобритании в СССР С. Криппс и посланник США Г. Голкинс

Как отмечалось ранее, приоритетным направлением в деятельности отечественной дипломатии с нападением Германии на СССР явилось установление надежного всестороннего сотрудничества с западными державами — противниками нацистской Германии.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль, получив утром 22 июня 1941 г. сообщение о нападении Германии на СССР, занялся подготовкой заявления английского правительства, предупредив Би-би-си, что выступит по радио в девять часов вечера. Еще 15 июня он предусмотрительно сообщил президенту США Ф. Рузвельту о готовности Великобритании оказать России всемерную помощь в случае нападения Германии и ко времени своего выступления получил его поддержку. В подготовке выступления У. Черчилля принимали участие министр иностранных дел А. Иден, начальник генерального штаба фельдмаршал Д. Дилл, министр снабжения лорд У. Бивербрук, находившийся в то время в Лондоне британский посол в СССР С. Криппс и только что вернувшийся из США американский посол Дж. Вайнант.

В своем выступлении премьер-министр заявил, что Англия окажет Советскому Союзу «любую экономическую и техническую помощь, которая в наших возможностях и которая может быть ему полезна». Поставив себе в заслугу последовательную борьбу с коммунизмом, У. Черчилль так объяснил поворот в британской политике: «Гитлер хочет уничтожить русскую державу, потому что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии, авиации и бросить их на наш остров... Его вторжение в Россию — это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова... поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам»¹¹.

И. М. Майский записал в своем дневнике: «Радиоречь премьера вечером 22 июня была не только замечательна по форме и внутренней силе — она с предельной четкостью и непримиримостью ставила вопрос о продолжении войны до конца и максимальной помощи СССР.. Чрезвычайно важно было то, что премьер ударил своей глубиной неожиданно, не давая никому опомниться. Это сразу задало тон — и здесь, и в Америке»¹².

Правительство Великобритании демонстрировало готовность принятия конкретных военных и экономических мер для установления сотрудничества с СССР. По всей Англии прокатились митинги в поддержку освободительной борьбы советского народа. Большинство населения было настроено на создание широкой коалиции государств для противостояния агрессорам, приветствовало объединение с СССР во имя победы над нацистской Германией¹³. Уже 27 июня 1941 г. в Москву прибыли члены английской военной и дипломатической миссий. В военную миссию входили генерал-лейтенант М. Макфарлан, контр-адмирал Д. Майлс, вице-маршал авиации А. Кольер. Экономическую миссию возглавлял Л. Кэдбюри, крупный бизнесмен. Вместе с ними возвратился в Москву английский посол С. Криппс. Немногим более чем через неделю в Англию и США направилась советская военная миссия во главе с заместителем начальника Генерального штаба РККА, начальником Главного разведывательного управления генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым.

В последующие дни состоялся ряд встреч советских руководителей с С. Криппсом, на которых обсуждались конкретные вопросы организации военного, экономического, а затем и политического сотрудничества двух стран, а также совещания экономических экспертов. При этом решение экономических вопросов с советской стороны было возложено на наркома внешней торговли А. И. Микояна, который вел переговоры непосредственно с С. Криппсом и Л. Кэдбюри. Между ними обсуждались не только экономические вопросы, но и различные варианты проведения совместных боевых действий британских и советских вооруженных сил против немецко-фашистских войск в Заполярье.

На одной из встреч В. М. Молотова с С. Криппсом встал вопрос о необходимости включения в договор статьи об оплате расходов по снабжению английских вооруженных сил, действующих на территории СССР. Вопрос возник после напоминания В. М. Молотова о том, что на советское предложение о посылке английских войск на наш фронт британское правительство так и не дало ответа. С. Криппс, однако, утверждал, что «в СССР имеются английские вооруженные силы: подводные лодки, минные тральщики и эсминцы, а также авиационная часть в районе Мурманска. Он уже получил счета на оплату расходов по

снабжению этих английских войск в сумме 72 000 рублей». На это В. М. Молотов заметил, что английские вооруженные силы в СССР можно разглядеть в ходе теперешних крупных событий «только в увеличительное стекло»¹⁴. В конечном итоге нарком иностранных дел обещал доложить вопрос С. Криппса правительству.

Ф. И. Голиков на встрече 9 июля 1941 г. с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом и его заместителем А. Кадоганом, которые в отличие от военного министра Г. Маргесона тепло приняли советского генерала, поставил вопрос о необходимости «совместных операций на севере, максимального усиления британских воздушных налетов на Германию, вплоть до Берлина, а также срочного развертывания десантных операций в Северной Франции»¹⁵.

8 и 10 июля с С. Криппсом вел переговоры И. В. Сталин, которому было вручено личное послание У. Черчилля, положившее начало их переписке в годы войны. Основная дискуссия советских и британских руководителей развернулась вокруг политического документа, определявшего союзнические отношения между странами на период войны. Советская сторона, как и ранее на переговорах В. М. Молотова с С. Криппсом, считала необходимым заключение именно политического соглашения, но Лондон возражал, мотивируя тем, что переговоры о таком соглашении могут создать препятствия для установления военного и экономического сотрудничества, ради которого британские миссии и прибыли в Москву. И. В. Сталин возразил: «Главное в том, чтобы создать ясность в вопросе о взаимопомощи между Англией и СССР. Обстановка требует заключения соглашения о взаимной военной помощи между нашими странами. Соглашение должно быть без резервов, без задних мыслей»¹⁶. На следующий день У. Черчилль сообщил И. В. Сталину о готовности военного кабинета подписать «совместную декларацию».

В конечном итоге стороны договорились назвать документ «соглашением», которое было подписано 12 июля 1941 г. В. М. Молотовым и С. Криппсом. В нем, в частности, отмечалось: «Правительство Союза ССР и правительство Его Величества в Соединенном Королевстве заключили настоящее Соглашение и декларируют о следующем:

1. Оба Правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

2. Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоры, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»¹⁷.

К документу прилагался протокол, в котором говорилось, что соглашение вступает в силу немедленно с момента его подписания и ратификации не подлежит. Соглашение и достигнутые договоренности послужили началом англо-советского сотрудничества и создания антигитлеровской коалиции.

Первое официальное заявление правительства США о нападении Германии на СССР последовало 23 июня 1941 г. В меморандуме Госдепартамента констатировалось, что СССР находится в состоянии войны с Германией и «всякая оборона против гитлеризма, всякое объединение с силами, противостоящими гитлеризму, какой бы характер эти силы ни носили, будут способствовать возможному свержению нынешних германских лидеров и будут служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии являются в настоящее время главной угрозой Американского материка»¹⁸. А 24 июня 1941 г., выступая на пресс-конференции, президент США Ф. Рузвельт заявил: «Разумеется, мы собираемся предоставить России всю ту помощь, которую сможем»¹⁹.

26 июня посол СССР в США К. А. Уманский получил указание В. М. Молотова: «Вам следует немедленно пойти к Рузвельту или Хэллу, а при его отсутствии — к Уэллесу и, сообщив о вероломном нападении Германии на СССР, запросить, каково отношение американского правительства к этой войне и к СССР. Вопросов о помощи сейчас не следует ставить. О результатах беседы телеграфируйте. К кому именно обратиться, к Рузвельту или Хэллу, решите по обстановке»²⁰.

После встречи с исполняющим обязанности госсекретаря С. Уэллесом советский посол сообщил В. М. Молотову, что «официально нотифицировал» о вероломном нападении немцев. С. Уэллес, со своей стороны, заявил: «Американское правительство считает СССР

жертвой неспровоцированной, ничем не оправданной агрессии. Американское правительство далее считает, что тот отпор этой агрессии, который дается сейчас народом и армией СССР, не только продиктован, выражаясь словами г-на Молотова, борьбой за честь и свободу СССР, но соответствует интересам Соединенных Штатов Америки. Поэтому в соответствии с заявлениями, уже сделанными президентом, американское правительство заверяет советское правительство, что оно готово оказать этой борьбе всю посильную поддержку в пределах, определяемых производственными возможностями США и его наиболее неотложными нуждами. Свою решимость проводить эту линию американское правительство уже доказало двумя актами: отменой блокирования советских финансовых операций и, что более важно, решением не применять к СССР ограничений, предписанных актом о нейтралитете». Далее С. Уэллес подчеркнул особое значение установившихся отношений США с Великобританией: «Американское правительство, естественно, будет консультироваться о своей помощи СССР с британским правительством в связи с теми обязательствами, которые США взяли на себя перед Великобританией. В свою очередь, британское правительство уже держит американское правительство в курсе тех вопросов тесного сотрудничества, которые обсуждаются между СССР и Великобританией»²¹.

Все это были исключительно важные заявления официальных властей, в которых намечались контуры союзных отношений в борьбе с германо-японской агрессией. Заявления сторон были продуманы и понятны, их тональность заметно изменилась в положительном направлении.

29 июня 1941 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов имел беседу с послом США в СССР Л. Штейнгардтом, который заявил: «Декларация Рузвельта и отношение американского правительства сводятся к выражению желания готовности дать всякую возможную помощь Советскому Союзу, которая окажется в силах США, чтобы Советский Союз победил Гитлера при условии, если и когда Советский Союз попросит такой помощи». Затем Л. Штейнгардт пространно информировал В. М. Молотова о затруднениях, которые могут возникнуть при выполнении поставок «требуемого Советским Союзом оборудования, сырья и других промышленных изделий»²².

В тот же день К. А. Уманскому была направлена следующая телеграмма: «Вам следует теперь пойти к Рузвельту или Хэллу (Уэллесу) и поставить перед ним вопрос о возможности оказания Советскому Союзу помощи следующими поставками: 1) самолеты-истребители одномоторные — 3 тысячи, 2) самолеты-бомбардировщики — 3 тысячи, 3) станки, прессы и молоты для авиазаводов — на 30 млн долларов, 4) зенитные пушки от 25 до 47 миллиметров — 20 тысяч штук с боекомплектами, 5) крекинг и другие установки для выработки высокооктанового авиагорючего и установки для выработки авиамассы, 6) толуола — 50 тысяч, 7) оборудование для заводов по выработке толуола, 8) оборудование для шинного завода, 9) оборудование для завода по производству проката легких сплавов. Желательно, чтобы был предоставлен кредит на пять лет по этим товарам. Результаты телеграфируйте. В. Молотов»²³.

Реакция в США на нападение Германии на СССР была неоднозначной, более противоречивой, чем в Великобритании. Она продемонстрировала сложный спектр расстановки политических сил в стране, их различное отношение к поддержке социалистической России в борьбе против нацистской агрессии. Жители Нью-Йорка провели 2 июля 1941 г. многотысячный митинг под лозунгом «Борьба СССР против гитлеровской Германии — наша собственная борьба». По данным опроса общественного мнения, проведенного 1 октября 1941 г., более 73% американцев высказались за установление сотрудничества США с Советским Союзом и оказание ему помощи в борьбе с гитлеровцами. Причем 22% американцев полагали, что это сотрудничество должно быть таким же полным, как с Англией. В то же время Г. Трумэн, тогда сенатор от штата Миссури, опубликовал в газете «Нью-Йорк таймс» призыв к правительству следовать иному курсу: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»²⁴. Однако государственные лидеры США отклонили позицию этой части истеблишмента.

С. Уэллес

Л. Штейнгардт

26 июня 1941 г. исполняющий обязанности государственного секретаря С. Уэллес (К. Хэлл был болен) сообщил советскому послу К. А. Уманскому, что американское правительство выражает нашей стране свое чувство сожаления по поводу «грабительского, трусливого и предательского нападения Германии на СССР»²⁵. Он заверил в готовности правительства США оказать Советскому Союзу всю возможную поддержку.

3 июля И. В. Сталин в своем выступлении заявил, что справедливая борьба советского народа за свободу страны «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы... В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувства благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными»²⁶.

Ключевое значение для определения своей позиции руководителями Великобритании и США об оказании СССР всемерной помощи в борьбе с германской агрессией имели приезд в Москву 30 июля 1941 г. специального помощника президента Ф. Рузвельта Г. Гопкинса и его переговоры с И. В. Сталиным 30 и 31 июля 1941 г. Официальная цель визита — изучение вопроса об осуществлении материальной помощи СССР. Неофициальная — Г. Гопкинсу была поставлена сверхзадача: определить, как долго продержится Россия²⁷. Дело в том что за редким исключением в американских и английских правящих кругах сформировалось убеждение, что СССР в борьбе с Германией потерпит поражение. Подавляющее большинство политических и военных руководителей Англии и США сходились на том, что Вооруженные силы Советского Союза не сумеют оказать длительного сопротивления гитлеровским войскам. Так, при определении американской политики в отношении СССР военный министр США Г. Стимсон в своем меморандуме от 23 июня 1941 г. советовал президенту Ф. Рузвельту исходить из следующих предпосылок:

- «1. Действия Германии сильно напоминают ниспосланные свыше события.
2. Минимум за месяц, а максимум за три немцы полностью уничтожат Советский Союз.
3. Это время следует активно использовать для форсирования действий в Атлантике»²⁸.

Однако Ф. Рузвельт, Г. Гопкинс, Дж. Дэвис и их единомышленники, в числе которых находился и бывший военный атташе США в СССР «красный генерал» Ф. Фэймонвилл, заняли позицию уверенности в силах советского сопротивления, понимали, что поражение СССР означает прямую угрозу не только мировым позициям США, но и самой независимости страны.

Для сотрудников НКВД и советского правительства не явилось неожиданностью, что положение на советско-германском фронте будет в конечном итоге определять не только объем и характер англо-американских поставок в СССР, но и влиять на союзнические отношения в целом.

Во время переговоров с И. В. Сталиным Г. Гопкинс получил полную информацию о положении на советско-германском фронте и неотложных нуждах Красной армии. Он заявил, что ни американское, ни английское правительства не захотят посылать тяжелое вооружение на советско-германский фронт до тех пор, пока не состоится совещание представителей трех держав для изучения стратегических интересов каждого фронта мировой войны, каждой страны. И. В. Сталин ответил, что он приветствует созыв такого совещания, и перечислил поставки, которые Советский Союз хотел бы получить из США в первую очередь: «1) зенитные орудия калибром 20 или 25 или 37 мм; 2) алюминий; 3) пулеметы 12,7 мм; 4) винтовки 7,62 мм». Характеризуя положение с танками, глава Советского государства подчеркнул также, что СССР «необходима помощь Соединенных Штатов в снабжении сталью и танками». Беседы с И. В. Сталиным произвели на Г. Гопкинса большое впечатление. В первом же отчете Ф. Рузвельту и К. Хэллу он писал из Москвы: «Я имел две продолжительные и удовлетворительные беседы со Сталиным, и я сообщу вам лично то, что он передает через меня. Однако уже теперь я хотел бы сказать вам, что я очень уверен в отношении этого фронта. Моральное состояние населения исключительно высокое. Здесь существует безграничная решимость победить»²⁹.

Переговоры Г. Гопкинса в Москве оказали положительно влияние на дальнейшее развитие советско-англо-американских отношений. 2 августа 1941 г. между послом СССР в США К. А. Уманским и исполняющим обязанности государственного секретаря США С. Уэллесом состоялся обмен нотами о продлении на год — до 6 августа 1942 г. — советско-американского торгового соглашения от 4 августа 1937 г. и об экономическом содействии США Советскому Союзу. В ноте С. Уэллеса указывалось: «Правительство Соединенных Штатов решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии. Это решение продиктовано убеждением правительства Соединенных Штатов, что укрепление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов». Далее в ноте говорилось, что правительство США будет дружественным образом рассматривать соответствующие советские заказы, предоставлять им приоритет, выдавать неограниченные лицензии на экспорт и благожелательно рассматривать предложения «об использовании наличных возможностей американского морского транспорта для целей ускорения доставки в Советский Союз товаров и материалов, необходимых для государственной обороны Советского Союза»³⁰.

В своем ответе посол СССР в Соединенных Штатах от имени советского правительства выразил благодарность правительству США за дружественное решение и уверенность в том, что это экономическое содействие «будет соответствовать размаху военных действий, проводимых Советским Союзом в его вооруженном сопротивлении агрессору»³¹.

Обмен нотами об экономическом содействии Соединенных Штатов Советскому Союзу явился, по определению К. А. Уманского, своего рода «американским эквивалентом» советско-английскому соглашению от 12 июля 1941 г., поскольку он официально закреплял сотрудничество США и СССР.

Расширение масштабов войны и ее угроз большинству стран мира способствовало англо-американскому сближению и общему объединению усилий в борьбе с агрессором.

Важным политическим событием явилась Атлантическая хартия, подписанная 14 августа 1941 г. Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем на двусторонней встрече у острова Ньюфаундленд. Правительства Великобритании и США заявляли об отказе от захвата чужих территорий, признавали право народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить, готовность содействовать восстановлению суверенных прав тех народов, которые были его лишены насильственным путем, призывали к послевоенному сотрудничеству государств, отказу от применения силы в международных отношениях и гонки вооружений. В целом Атлантическая хартия носила демократический характер, однако непоследовательно излагался вопрос о признании права народов на самоопределение вплоть до государственного отделения, не говорилось о роли и месте СССР в обеспечении системы послевоенной безопасности. Выявились серьезные разногласия, которые свидетельствовали о стремлении каждой из сторон занять ведущее положение в послевоенном мире.

Для обсуждения Атлантической хартии в сентябре 1941 г. в Лондоне состоялась межсоюзническая конференция, в которой приняли участие представители СССР, Великобритании, Бельгии, Чехословакии, Греции, Польши, Голландии, Норвегии, Югославии, Люксембурга и Свободной Франции. Советское правительство выступило со специальной декларацией, в которой выразило свое согласие с основными принципами хартии, но внесло ряд существенных дополнений. В декларации прежде всего определялся характер войны и разоблачались агрессивные цели гитлеровского блока, четко формулировалась главная задача народов и государств, которые вели войну против фашистской Германии и ее союзников, — добиться скорейшего и решительного разгрома агрессоров, мобилизовав для этого все свои силы и средства. СССР вновь выдвинул идею коллективной безопасности, которую отстаивал в предвоенные годы как одно из главных условий прочного мира, а также важность проблемы всеобщего разоружения. В заключении советской декларации, зачитанной 24 сентября И. М. Майским, подчеркивалось, что практическое применение ее принципов «неизбежно должно будет соотносываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»³².

Как и следовало ожидать, наиболее трудно решались проблемы, связанные с участием вооруженных сил Великобритании, а затем и США в операциях, целью которых было ослабить давление противника на том или ином участке советско-германского фронта, или с проведением совместных операций вооруженными силами союзных стран. Впервые этот вопрос затронул А. Иден в беседе с И. М. Майским 13 июня 1941 г., сообщив, что «в случае нападения Германии бритпра (британское правительство. — *Прим. ред.*) готово было бы помочь своей авиацией на Ближнем Востоке, отправить в Москву военную миссию для передачи опыта войны, всемерно развивать экономическое сотрудничество через Персидский залив и Владивосток»³³.

29 июня 1941 г. В. М. Молотов в беседе с С. Криппсом заявил, что ввиду происходящего сейчас мощного наступления германских и финских частей в районе Мурманска, не говоря уже о том, что имеется крупный нажим на всех остальных фронтах, советское правительство специально отмечает актуальность участия английских военных кораблей и авиации в этом районе: «Военно-морская помощь со стороны Англии в районе Петсамо и Мурманска была бы как раз своевременной. Однако, разумеется, желательны всемерное усиление действий английской авиации против Германии и на западе, а также десанты на побережье Франции». С. Криппс ответил, что «английское правительство в принципе согласно сделать все для того, чтобы помочь Советскому Союзу, но он не может гарантировать, что эксперты, рассмотрев вопрос операции в районе Мурманска, вынесут определенное и положительное решение»³⁴.

И. В. Сталин поручил генерал-лейтенанту Ф. И. Голикову, который направлялся в ранге руководителя советской военной миссии в Англию и США, обсудить с союзниками последовательное осуществление трех операций: создание общего с англичанами фронта на севере Европы; высадку значительного контингента английских войск на Севере Франции; боевые действия английских войск на Балканах.

Ф. И. Голиков

9 июля 1941 г., на следующий день после прибытия в Англию, Ф. И. Голиков был принят в министерстве иностранных дел А. Иденом, А. Кадоганом и А. Батлером. На приеме Ф. И. Голиков заявил о твердой решимости советского народа добиться победы над врагом, высказался «за незамедлительное проведение совместных боевых действий Англии и СССР на севере Европы, в районе Заполярья. Мы хотели бы также, чтобы английская авиация значительно увеличила мощь своих бомбовых ударов по военным объектам гитлеровской Германии, в том числе и по Берлину. Было также отмечено, что желательны поставки из Англии в СССР материальных и технических средств для ведения войны. Но самое главное, что ждали советские люди от своих союзников, — это открытие второго фронта в Европе, высадки значительного контингента английских войск во Франции. Иден в целом сочувственно отнесся к высказанным мною предложениям»³⁵.

Согласованное между Г. Гопкинсом и И. В. Сталиным американское предложение о созыве в Москве трехсторонней конференции по взаимным военным поставкам было после доклада Г. Гопкинса о результатах поездки в Москву одобрено Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Они направили И. В. Сталину послание, полученное в Москве 15 августа, в котором подтвердили необходимость созыва такой конференции: «Мы полностью осознаем, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза, и поэтому мы считаем, что в этом деле планирования программы распределения наших общих ресурсов на будущее мы должны действовать при любых обстоятельствах быстро и без промедления»³⁶.

Несмотря на то что к этому времени удалось замедлить наступление немецких войск и Красная армия непрерывно наносила противнику контрудары, обстановка на советско-германском фронте в целом ухудшилась. С начала войны немцы продвинулись на северо-западном направлении до 750 км и блокировали Ленинград с суши, на юге — до 800 км и захватили Киев. На центральном участке фронта приближались к Москве.

А. Кадоган и А. Гарриман

А. Иден и К. Хэлл

И. В. Сталин в письмах от 3 и 13 сентября 1941 г. сообщил У. Черчиллю о необходимости активной военной помощи. Если в письме от 3 сентября в качестве главных были поставлены вопросы о создании в этом году второго фронта «где-либо на Балканах или во Франции», с тем чтобы оттянуть с восточного фронта 30–40 немецких дивизий, и о поставках Советскому Союзу 30 тыс. тонн алюминия к началу октября и ежемесячно как минимум 400 самолетов и 500 танков³⁷, то в письме от 13 сентября ставился вопрос о высадке 25–30 британских дивизий в Архангельске или транспортировке их через Иран в южные районы СССР «для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции»³⁸.

У. Черчилль дипломатично отклонил советские предложения, но обещал «приложить все усилия, чтобы начать вам отправку снабжения немедленно», а также, что «по всей вероятности, можно будет оказать вам содействие на Крайнем Севере, когда там наступит полярная ночь»³⁹.

Наиболее последовательным сторонником открытия второго фронта и совместных действий вооруженных сил союзников был лорд У. Бивербрук. Он писал Г. Гопкинсу: «Сопротивление России предоставило нам новые возможности. По-видимому, оно оголило Западную Европу от германских войск и сделало невозможным для держав «оси» где-либо наступательных действий в других местах. Сопротивление России создало близкую к взрывной ситуацию в каждой оккупированной немцами стране, сделав западноевропейское побережье уязвимым для атаки британских войск... Ведь если мы не поможем России сейчас, может случиться, что она не выдержит натиска, и Гитлер, свободный от всякой угрозы с Востока, сконцентрирует все свои силы против нас на Западе. Он не будет ждать, пока мы подготовимся. И мы допустим большую ошибку, ожидая чего-то сейчас. Мы должны нанести удар сейчас, пока не поздно»⁴⁰.

В июле 1941 г. распорядительным порядком правительствами США и Великобритании по итогам лондонских переговоров Ф. И. Голикова было принято решение о передаче СССР 200 истребителей «Томагавк». Советская миссия добивалась, чтобы английское правительство передало также 700 истребителей этого типа, находившихся в Египте, но англичане отказывались, ссылаясь на необходимость их использования на Ближнем Востоке.

Первый морской конвой с военным грузом, отправленный из США, находился в пути. 2 августа 1941 г. было продлено действие торгового соглашения США с СССР. 16 августа СССР и Великобритания подписали соглашение о порядке оплаты военных поставок, по которому Великобритания предоставила для этой цели кредит в сумме 10 млн фунтов стерлингов на льготных условиях. 31 августа из Англии в Архангельск прибыл первый конвой с военными грузами, среди которых были 41 самолет типа «Томагавк», магнитные мины, секретная опытная радиостанция и другое военное имущество. К этому времени уже были достигнуты и действовали базовые соглашения между СССР и Великобританией о взаимопомощи в войне.

19 августа 1941 г. была проведена совместная операция советских и британских войск по разрушению угольных шахт на острове Шпицберген, с тем чтобы лишить вермахт топлива в случае захвата им архипелага. Координировались в Заполярье некоторые действия советского Северного флота с силами британских ВМС и ВВС. В августе 1941 г. вместе с советскими летчиками защищали Мурманск от налетов немецкой авиации летчики 151-го крыла британских ВВС, позднее награжденные за свое мастерство советскими орденами. Ущерб Германии наносили бомбардировки английской авиации.

Поездка миссии Ф. И. Голикова в США в июле — августе 1941 г. показала более сильное противодействие в этой стране влиятельных группировок, препятствующих оказанию помощи СССР. «В те дни, — вспоминал Ф. И. Голиков, — посол и я были вынуждены доложить советскому правительству о препятствиях, с которыми столкнулась военная миссия в ходе переговоров с официальными представителями органов США. Мы сообщали, что имеется ряд трудностей, без преодоления которых нельзя рассчитывать на успешное рассмотрение вопроса о материальных поставках Советскому Союзу. Миссия в своей деятельности непременно наталкивалась на сопротивление военного ведомства и Госдепартамента США

(в том числе лично С. Уэллеса. — *Прим. ред.*). Буквально на каждом шагу нам «ставили палки в колеса», практическое дело подменяли бесконечными словопрениями, проволочками, разного рода бюрократическими препонами... Докладывая обстановку и свои соображения советскому правительству, мы имели в виду, что это совпадает по времени с приездом Гопкинса в Москву»⁴¹.

31 июля Ф. И. Голиков пригласил на беседу Ф. Рузвельт, чего не сделал У. Черчилль. «Нас было трое: К. Уманский, А. Репин (главный инженер ВВС РККА) и я. В приемной мы были предупреждены, что нам отводится 15 минут. С первых же минут встречи мы почувствовали благожелательное отношение Рузвельта к представителям Советского государства. Он держался просто, непринужденно, был внимателен к каждому из нас. Когда прошло 15 минут, президент не высказал никакой торопливости». В результате состоялось обсуждение наиболее острых вопросов создавшегося положения с поставками, о трудностях переговоров с представителями американской стороны, их нервозности и натянутости. Ф. Рузвельт сообщил о решении правительства выделить для СССР 200 самолетов П-40, подробно расспрашивал о возможности их доставки через советский Дальний Восток и Сибирь.

Ф. И. Голиков заявил о необходимости личного вмешательства президента как верховного главнокомандующего в решение вопроса о материально-технических поставках, подчеркнул, что только он может положить конец волоките, что многие вопросы, в которых заинтересован СССР, решаются англичанами и американцами без участия советских представителей, а «комитет трех», созданный по инициативе Ф. Рузвельта и призванный согласовать эти интересы, до сих пор не приступил к работе. При обсуждении с президентом советской заявки на основные военные поставки был составлен список материалов, которые могли быть предоставлены СССР. «На этом собственно и закончился разговор с президентом, — резюмировал Ф. И. Голиков, — Расстались мы с ним по-дружески»⁴².

Советская военная миссия находилась в США в общей сложности 37 дней. Представители миссии совместно с послом К. А. Уманским встречались с ведущими государственными деятелями США и получили их поддержку, в том числе государственного секретаря К. Хэлла, министра финансов Г. Моргентау (имелось в виду получение от США займа на оплату американских поставок), ряда других министров и влиятельных лиц, специального помощника президента А. Гарримана.

Ко времени Московской конференции в решении вопросов о взаимном сотрудничестве трех держав, в том числе о военных поставках в СССР, были достигнуты некоторые положительные результаты.

Конференция открылась в Москве 29 сентября и завершила работу 1 октября 1941 г. Делегацию Великобритании возглавлял министр снабжения лорд У. Бивербрук, США — специальный помощник президента, ведавший вопросами ленд-лиза, А. Гарриман (в 1943—1946 гг. — посол США в СССР). В советскую делегацию входили В. М. Молотов (глава делегации), К. Е. Ворошилов, Ф. И. Голиков, Н. Г. Кузнецов, М. М. Литвинов, А. И. Шахурин, Н. Д. Яковлев.

В архивных документах и материалах Московской конференции отмечается напряженная обстановка во время ее проведения, вызванная приближением к Москве немецких войск — началась операция вермахта «Тайфун». Положительное влияние на зарубежных участников конференции оказал тот факт, что, несмотря на нахождение Москвы в прифронтовой полосе, налеты немецкой авиации не принесли противнику ощутимых результатов благодаря многоярусной системе противовоздушной обороны, созданной в предыдущие месяцы. Кроме того, «всех иностранных представителей, которые оказывались в Москве, поражала атмосфера спокойствия, выдержанности и четкой дисциплины»⁴³.

28 сентября 1941 г., накануне открытия конференции, главы английской и американской делегаций были приняты И. В. Сталиным. У. Бивербрук и А. Гарриман передали ему рекомендательные письма с полномочиями, подписанные соответственно У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом. По свидетельству Р. Шервуда, «Сталин сделал откровенный обзор военного положения, как это было раньше в беседе с Гопкинсом, заявив, что превосходство Герма-

нии над Россией составляет: в авиации — 3 : 2, по танкам — 3 : 1 или 4 : 1, по числу дивизий 320 : 280. Сталин сказал, однако, что превосходство в танках имеет абсолютно решающее значение для немцев, потому что без них немецкая пехота по сравнению с русской слаба. Сталин весьма подробно остановился на необходимых ему поставках, закончив заявлением, что больше всего он нуждается в танках, а затем в противотанковых орудиях, броне, истребителях и разведывательных самолетах и, что довольно важно, в колючей проволоке». По окончании этой беседы А. Гарриман отметил: «Бивербрук и я считали, что встреча была чрезвычайно дружественной, и мы были более чем довольны оказанным нам приемом»⁴⁴.

29 сентября советская делегация, возглавляемая народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым, вручила американской и английской делегациям «Программу заявок, начиная с октября 1941 г. до конца июня 1942 г.». В документ для А. Гарримана были включены списки предметов и вооружения, материалов и оборудования, поставку которых в СССР из США советская делегация считала необходимой в 1941–1942 гг. В списке «А» (предметы вооружения) предусматривались поставки до конца 1941 г. и на первое полугодие 1942 г.: ежемесячно до 400 самолетов (истребителей и бомбардировщиков поровну), по 500 танков, 30 тыс. противотанковых ружей и другого вооружения. В списке «Б» (материалы, оборудование и другие изделия, кроме вооружения) обозначались номенклатура поставок и их количество. На указанный период планировались поставки 14,5 тыс. металлорежущих станков, 19 промышленных установок, 265 тыс. тонн цветных металлов, 871,3 тыс. тонн стали и изделий из нее, а также другие поставки — всего на сумму 847 млн долларов.

Согласно списку, переданному У. Бивербруку, советской стороне было необходимо в тот же период получать ежемесячно 200 самолетов (из них одна треть — бомбардировщики, две трети — истребители), 250 танков (одна треть — средних, две трети — легких), 1200 станков (в первом полугодии 1942 г.), некоторое количество военных кораблей и другое вооружение.

По предложению советской делегации для подготовки рекомендаций по конкретным обсуждаемым вопросам были созданы шесть комиссий трех государств: авиационная, армейская, военно-морская, транспортная, сырьевая и оборудования и медицинского снабжения, которые приступили к работе в тот же день. Окончательные решения по советской заявке от 29 сентября принимались во время встреч глав американской и английской делегаций с И. В. Сталиным 29 и 30 сентября.

А. Гарриман в своих донесениях президенту 1 и 10 октября отметил реалистический характер запросов, их соответствие масштабам советской обороны. Не было ни одного отказа на 89 наименований, указанных в списке. Но во многих случаях заявки уменьшались или должны были дополнительно согласовываться в соответствующих министерствах Англии и США. Вместе с тем У. Бивербрук заявил в Москве, что стремится к тому, чтобы Великобритания «шла далеко, очень далеко, чтобы получилось ощущение настоящего сотрудничества»⁴⁵.

В работе профильных комиссий, которая шла параллельно с заседаниями глав делегаций, приняли участие ответственные руководители, высококвалифицированные эксперты трех стран. В авиационной комиссии советский нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин поставил вопрос о поставке ежемесячно 300 бомбардировщиков, подчеркнув в ответ на предупреждение о трудностях освоения зарубежной военной техники: «Мы имеем много замечательных летчиков, которые не боятся новых машин и быстро овладевают новой материальной частью»⁴⁶. Дискуссии о количестве поставок, их сроках, тактико-технических данных конкретных видов вооружений, их эксплуатации, маршрутах доставки в той или иной форме обсуждались каждой комиссией.

1 октября 1941 г. В. М. Молотов, А. Гарриман и У. Бивербрук подписали секретный протокол о поставках, согласованных тремя правительствами. Он получил название «Первый московский протокол». Был установлен срок его действия — с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. В протоколе говорилось, что западные союзники приняли на себя обязательство поставлять СССР ежемесячно согласованное количество вооружения, военных материалов, сырья и продовольствия, в том числе 400 самолетов, 500 танков, 152 зенитные пушки, 2 тыс. тонн канадского алюминия, олово, свинец и другие металлы, 1200 штук металлорежущих

станков и прочее. На конференции было также принято решение о советских сырьевых поставках Англии и США.

Первая партия грузов в счет поставок по Московскому протоколу была доставлена в СССР в конце октября. Тогда же Ф. Рузвельт сообщил И. В. Сталину о решении американского правительства применить к СССР закон о ленд-лизе, в рамках которого Советскому Союзу предоставлялся беспроцентный заем в 1 млрд долларов на оплату этих поставок. Официально об этом было объявлено 7 ноября 1941 г.

На конференции по инициативе советской делегации обсуждались вопросы о расширении англо-советского соглашения от 12 июля 1941 г. в союзный договор не только на время войны, но и на послевоенный период, а также об участии английских войск в боевых действиях на советско-германском фронте и ряд других.

Особое поручение — о свободе вероисповедания в СССР выполнил А. Гарриман. «Имея в виду огромную важность этого вопроса с точки зрения общественного мнения в Соединенных Штатах, президент надеется, что Вы будете в состоянии добыть у высших властей советского правительства какое-либо заявление, которое могло быть опубликовано в американской печати», — писал А. Гарриману государственный секретарь США К. Хэлл⁴⁷.

Оппозиция Ф. Рузвельту в конгрессе США особенно активно выступала против законопроектов, способствовавших формированию антигитлеровской коалиции. Изоляционисты и другие оппозиционные президенту конгрессмены объединили свои силы, и законопроекты президента принимались минимальным количеством голосов. Заявление советского правительства, в котором был заинтересован Ф. Рузвельт, способствовало утверждению позиций президента в конгрессе: конкретно такое заявление имело значение для принятия законопроекта о распространении на СССР закона о ленд-лизе.

4 октября 1941 г. заместитель председателя Совинформбюро С. А. Лозовский сделал на пресс-конференции специальное заявление о свободе вероисповедания в Советском Союзе и разъяснил, что согласно советской конституции «свобода отправления религиозных культов признается за всеми гражданами». В заявлении подчеркивалось, что «представители всех религий в СССР решительно выступают против нацистского бандитизма и варварства»⁴⁸.

Результаты особого поручения Ф. Рузвельта внимательно анализировались советскими дипломатами. Временный поверенный в делах СССР в США А. А. Громыко 10 октября в сообщении об обсуждении и утверждении в Палате представителей законопроекта о дополнительных ассигнованиях по ленд-лизу отмечал: «Как и следовало ожидать, поправка о невключении Советского Союза в число стран, подлежащих финансированию, по этому закону была отвергнута 162 голосами против 21. Рузвельт и его окружение тщательно подготовили провал этой поправки... Заявление Лозовского по религиозному вопросу повлекло здесь разрядку атмосферы»⁴⁹.

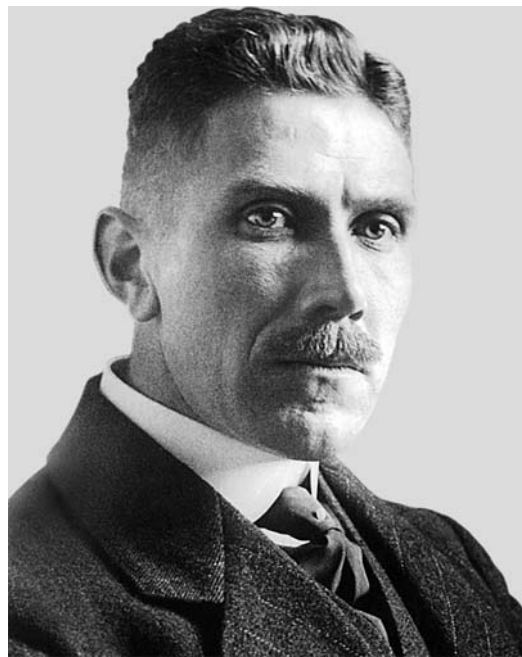
Борьба советской дипломатии за расширение международного фронта сил, противостоящих фашистской агрессии

Становление союзнических отношений между Москвой и Лондоном позволило правительству СССР совместно с правительством Великобритании осуществить во второй половине 1941 г. и весной 1942 г. ряд важных мер в районе Ближнего и Среднего Востока. Страны этого региона объявили о своем нейтралитете во Второй мировой войне, но их правители в своем большинстве стремились к сближению с Германией и исторически проводили враждебную политику по отношению к России. Одним из экономических рычагов давления на правительства этих стран было усиление германского капитала во внешней торговле, за контроль над которой Германия вела борьбу с Англией.

И. Инёню

Ф. фон Папен

Проникнув на важнейшие государственные посты и установив клановые связи на различных уровнях власти, немецкие агенты оказывали влияние на политику этих стран, что в разной степени представляло общую угрозу как для Советского Союза, так и для Англии.

Острая борьба развернулась вокруг Турции — участницы Первой мировой войны на стороне Германии. Турецкие правящие круги лавировали между фашистским блоком и англо-американскими союзниками и неизменно следовали антисоветскому курсу. 19 октября 1939 г., после начала Второй мировой войны, Турция подписала трехсторонний договор о взаимопомощи с Англией и Францией, но отказалась поддержать их военной силой. После поражения Франции прогерманский курс в политике турецкого правительства приобрел приоритетное значение.

4 марта 1941 г. турецкий президент И. Инёню принял германского посла в Анкаре Ф. фон Папена, который вручил ему личное послание А. Гитлера с одобрением политики турецкого правительства. Между А. Гитлером и И. Инёню установилась регулярная переписка. 18 июня 1941 г., за несколько дней до нападения Германии на СССР, между Германией и Турцией был подписан договор «О дружбе и ненападении», которым Турция фактически ставилась в положение союзника Германии в войне против СССР, игнорируя союзные отношения с Англией. Само нападение фашистской Германии на СССР, как свидетельствует Ф. фон Папен, было с одобрением встречено правительством Турции, некоторые круги которой вынашивали далеко идущие цели, направленные против Советского Союза. Имея в виду эти круги, Ф. фон Папен сообщил в Берлин, что они склонны, по-видимому, «присоединить к себе ценнейшие бакинские месторождения нефти»⁵⁰.

В результате англо-советских переговоров было принято решение выступить с совместным демаршем в турецкой столице. 10 августа 1941 г. советский посол в Турции С. А. Виноградов сделал следующее заявление турецкому правительству: «Советское правительство подтверждает свою верность Конвенции в Монтрё⁵¹ и заверяет турецкое правительство, что оно не имеет никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении Проливов. Советское правительство, так же как и британское правительство, готово скрупулезно уважать

территориальную неприкосновенность Турецкой Республики. Вполне понимая желание турецкого правительства не быть вовлеченным в войну, советское правительство, как и британское правительство, тем не менее было бы готово оказать Турции всякую помощь и содействие в случае, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы⁵². Указанный демарш в отношении Турции был одной из первых совместных дипломатических акций СССР и Англии, разоблачал измышления о якобы агрессивных намерениях государств антигитлеровской коалиции.

Еще более опасной для Англии и СССР была обстановка в Иране. Летом 1941 г. влияние Германии на политику этой страны резко возросло. Немецкие концерны контролировали более 50% ее внешней торговли. Тысячи немецких агентов действовали в Иране. Число лиц немецкой национальности в стране возросло, по британским данным, до 3 тыс. человек⁵³.

С нападением Германии на СССР иранское правительство объявило о нейтралитете страны, но Реза-шах Пехлеви и влиятельные политические, военные и промышленные круги Ирана поддерживали с Германией дружеские отношения и готовились к встрече немецких войск, наступавших на южном крыле советско-германского фронта, вынашивая планы захвата советского Азербайджана. Немецкая «пятая колонна» развернула в стране антианглийскую и антисоветскую пропаганду, которая объявила персов (до 1935 г. Иран назывался Персией) «чистокровными арийцами».

Директивой № 32 верховного командования вермахта, подписанной 11 июня 1941 г., предусматривалось осенью 1941 — зимой 1942 г. после освоения «завоеванного пространства на востоке» проведение ряда стратегических операций на Ближнем Востоке, в Северной Африке, а также в Средиземноморье, в том числе «наступление из Закавказья через Иран»⁵⁴. Готовясь к использованию Северного Ирана в своих военных целях, гитлеровцы организовали там склады оружия и боеприпасов. В течение нескольких месяцев 1941 г. они перебросили в Иран 11 тыс. тонн вооружения и боеприпасов. В июле и августе под видом туристов в Иран прибыли сотни германских офицеров. В это же время в Иране появился и один из руководителей германской разведки адмирал В. Канарис. Опираясь на поддержку прогерманских правителей страны, гитлеровцы, по существу, готовились открыть здесь новый фронт Второй мировой войны.

Чтобы предотвратить угрозу со стороны южного соседа, правительство СССР летом 1941 г. трижды (26 июня, 19 июля и 16 августа) направляло ноты иранскому правительству о несовместимости покровительства иранских властей фашистской агентуре с принципами советско-иранского договора 1921 г.⁵⁵ и официальным заявлением о нейтралитете в мировой войне. Английское правительство выдвинуло аналогичное требование иранскому руководству. После отказа Тегерана выполнить требования союзнических держав У. Черчилль предложил И. Сталину осуществить совместную кампанию в Иране.

Директивой Ставки Верховного главнокомандования от 23 августа 1941 г. был развернут Закавказский фронт (командующий — генерал-лейтенант Д. Т. Козлов). 25 августа советские войска в составе трех армий (одна из них предназначалась для прикрытия границы с Турцией) вступили на территорию Ирана и заняли по согласованию с Великобританией северные районы страны⁵⁶. Кое-где в Иране было оказано незначительное сопротивление советским и английским войскам, однако вскоре оно было подавлено. 8 сентября 1941 г. в Тегеране было подписано англо-советско-иранское соглашение, положившее начало сотрудничеству трех стран в период войны. Соглашением устанавливались районы размещения английских, советских и иранских войск. Одновременно иранское правительство взяло на себя обязательство выслать германские, итальянские, румынские и венгерские миссии, а также не допускать каких-либо действий, которые могли бы нанести ущерб СССР и Англии в их борьбе с гитлеровской Германией. Правительство Ирана обязалось содействовать перевозке через иранскую территорию военных грузов союзников. СССР и Англия, со своей стороны, должны были оказывать Ирану экономическую помощь. На следующий день, 9 сентября, меджлис утвердил это соглашение, и оно вступило в силу. Дальнейшим развитием этого соглашения был договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном, подписанный

29 января 1942 г. Однако Реза-шах, в руках которого была сосредоточена реальная власть, отказался выслать из страны фашистскую агентуру, что вынудило советское и английское правительства отдать приказ о дальнейшем продвижении своих войск, которые вступили в Тегеран. 16 сентября Реза-шах отрекся от престола в пользу своего сына и бежал из страны. Так были сорваны гитлеровские планы превращения Ирана в плацдарм, направленный против СССР и Великобритании, захвата и оккупации его территории немецкими войсками.

11 октября 1941 г. советские и английские представители в Афганистане одновременно вручили ноты афганскому правительству. Немало германских и итальянских агентов окопалось в различных учреждениях и ведомствах Афганистана. Работавшие в министерствах военном и общественных работ различные германские «эксперты», «экономические советники» и другая немецкая агентура усилили свою подрывную деятельность по организации диверсионных банд, которые нападали на советские пограничные посты, пытались забрасывать террористические группы в Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан.

Положительное значение имело и совместное англо-советское выступление в Афганистане. По предварительной договоренности советские и английские представители в Афганистане вручили 11 октября 1941 г. одновременно ноты афганскому правительству. В ноте СССР говорилось, что советское правительство, руководствуясь чувством дружбы к афганскому народу и уважения его национальной независимости, выразило свою готовность оказывать всемерное содействие дальнейшему процветанию Афганского государства, а также укреплять и развивать экономические отношения между СССР и Афганистаном. В ноте еще раз подтверждалось, что «советское правительство не имеет никаких агрессивных намерений в отношении политической и территориальной неприкосновенности Афганистана и неизменно стремится осуществлять политику дружбы и сотрудничества с Афганистаном в интересах обеих стран». Далее в ноте указывалось, что развитию советско-афганской дружбы, однако, угрожает подрывная деятельность немецкой и итальянской агентуры в Афганистане. От имени советского правительства посол СССР заявил, что «преступная деятельность германо-итальянской агентуры, к сожалению, не встречает должного отпора и предупредительных мер со стороны афганского правительства». Посол напомнил, что подписанный 24 июня 1931 г. договор между СССР и Афганистаном о нейтралитете и взаимном ненападении предусматривал: «Договаривающиеся стороны не допустят и будут препятствовать на своей территории организации и деятельности группировок, а также будут препятствовать и деятельности отдельных лиц, которые вредили бы другой договаривающейся стороне». Учитывая сложившуюся международную обстановку и основываясь на советско-афганском договоре 1931 г., советское правительство сочло необходимым рекомендовать афганскому правительству высылку членов немецкой и итальянской колоний из Афганистана и взятие под строгое наблюдение деятельности германской и итальянской миссий в Кабуле⁵⁷.

Сделанные представителями СССР и Англии заявления были рассмотрены афганским правительством, и 16 октября 1941 г. министр иностранных дел Афганистана сообщил послу СССР в Кабуле, что афганское правительство, «исходя из дружественных отношений, существующих между Афганистаном и СССР, и желая еще раз показать советскому правительству, что дружба Афганистана к его соседям, и в частности к СССР, является искренней, решило принять совет правительства СССР и удалить из Афганистана немцев и итальянцев». В конце октября началась высылка немецких и итальянских агентов из Афганистана.

В результате совместных действий СССР и Англии в течение короткого времени удалось значительно улучшить политическую обстановку на Ближнем и Среднем Востоке, ликвидировать основные силы гитлеровской агентуры или ограничить ее деятельность.

Советская дипломатия вела успешную борьбу за привлечение к антигитлеровской коалиции всех сил, заинтересованных в борьбе против фашистской тирании. 3 июля 1941 г. в телеграмме НКВД послу СССР в Великобритании И. М. Майскому отмечалось, что советское правительство готово нормализовать отношения с Польшей, Чехословакией, Югославией и оказывать народам этих стран всестороннюю помощь в борьбе против фашизма, за восстановление их независимости и суверенитета⁵⁸.

В. Сикорский подписывает декларацию о сотрудничестве с СССР

Еще 23 июня 1941 г., выступая по лондонскому радио в связи с нападением Германии на СССР, глава польского эмигрантского правительства в Лондоне генерал В. Сикорский обратился с предложением к СССР установить сотрудничество в борьбе с Германией, но на условиях возвращения в состав Польши Западной Украины и Западной Белоруссии и восстановления довоенных границ страны. Такая позиция В. Сикорского, разумеется, не способствовала позитивному обсуждению вопроса, которое началось 5 июля 1941 г. в Лондоне и велось при посредничестве британского правительства. В результате длительных переговоров была найдена компромиссная формула, согласно которой советско-германские договоры 1939 г., касающиеся территориальных перемен в Польше, признавались утратившими силу, а решение территориальных вопросов откладывалось на более позднее время. Каждая из сторон трактовала эту формулу по-своему. Так, В. Сикорский считал, что она означала отказ Москвы от территориальных претензий осени 1939 г. Тем не менее эта формула на тот период устраивала обе стороны. Москва, понимая, что послевоенная советско-польская граница будет зависеть от исхода войны, избегала заблаговременного ее определения, ничем не рискуя, и облегчала отношения с западными державами, союзниками Польши. Кроме того, при взаимном желании партнеров вопрос о границе не мог служить препятствием для двустороннего сотрудничества, что было особенно важно для польского правительства, представители которого получали доступ на советскую территорию и возможность контакта со своими соотечественниками⁵⁹.

30 июля 1941 г. И. М. Майский и В. Сикорский подписали в Лондоне «Соглашение между Правительством СССР и Правительством Польской Республики о восстановлении дипломатических отношений и о создании Польской армии на территории СССР»⁶⁰. Составной частью соглашения был протокол об амнистии «всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других

достаточных основаниях, со времени восстановления дипломатических отношений». Существовал и секретный протокол о том, что «различного рода претензии частного и общественного характера будут рассматриваться в порядке последующих переговоров между обоими правительствами»⁶¹. Важнейшим пунктом, развитым и закреплённым совместным военным соглашением от 16 августа 1941 г., было обязательство сторон создать на территории СССР польскую армию. Командующим был назначен генерал Войска Польского В. Андерс, выпускник царского Пажеского корпуса⁶².

В новой польской армии были заинтересованы оба правительства, хотя мотивация сторон далеко не во всем совпадала. В. Сикорский писал, что если возникнет перспектива прихода Красной армии в Польшу, он приложит все старания, чтобы польская армия, сформированная в России, вступила туда одновременно. Поэтому, полагал премьер-министр, надо сохранять формально дружественные отношения с Москвой.

Советская сторона на этапе позитивных изменений в отношениях с Польшей подходила к вопросу создания армии как к выполнению своих обязательств перед новым союзником. Это был политический аспект проблемы. Существовала и потребность, особенно острая в 1941 — начале 1942 г., в получении дополнительных воинских частей для участия в боях на советско-германском фронте, что специально оговаривалось в соглашении: польские армейские части будут выдвинуты на фронт по достижении полной боевой готовности, как правило соединениями не менее дивизии, и использованы в соответствии с планами Верховного командования СССР.

Но уже едва ли не в первые недели возникли трудности в выполнении этого соглашения. Положение на советско-германском фронте резко ухудшилось, вооружения для создаваемых польских частей не хватало. Западные союзники, согласившись вооружить поляков, тем не менее в течение года не направили в СССР ни одного транспорта с вооружением для польской армии. Этот и другие вопросы из организационных проблем все больше превращались в предмет политических разногласий, что было использовано польской стороной для обоснования вывода армии в Иран, поддержанного представителем президента США по ленд-лизу А. Гарриманом. В этих условиях была предпринята попытка заинтересовать поляков расширением призыва в армию и, если не исключить, то отложить ее вывод из СССР, что удалось сделать в ходе переговоров с В. Сикорским, посетившим Москву. Во время переговоров с И. В. Сталиным 3 декабря 1941 г., в ходе которых советский лидер выразил непоколебимую веру в победу над Германией (вермахт находился в 30–40 км от Москвы), В. Сикорский вопреки обещанию, данному У. Черчиллю, согласился оставить армию в СССР, получив согласие Москвы на вывод 25 тыс. солдат и всех моряков и летчиков для пополнения польских частей в Великобритании. Советская сторона также согласилась на расширение польской армии до 90 тыс. человек (при первоначально установленной численности 30 тыс.) и предоставление на ее нужды займа в 300 млн рублей. Вариант конкретных территориальных предложений Польши, который также обсуждался, был изложен в материалах, врученных А. Идену во время его визита в Москву 15–22 декабря 1941 г.⁶³

Некоторые деятели польской эмиграции демонстративно выступили против советско-польского соглашения. К ним относились командующий польскими военными формированиями в Англии генерал К. Соснковский, министр иностранных дел А. Залеский и их единомышленники, которые в знак протеста против советско-польского соглашения вышли из состава правительства. В. Сикорский и поддержавшие его министры стремились советско-польским соглашением укрепить международный авторитет эмигрантского правительства. Вопрос о границах, по мнению советского и английского правительств, с которым вынужденно согласились лондонские поляки, следовало решать после войны.

18 июля 1941 г. в Лондоне было заключено соглашение между правительствами СССР и Чехословацкой Республики, в котором обе стороны согласились немедленно обменяться посланниками и взаимно обязались оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии. Советское руководство также согласилось на создание на его территории национальных воинских частей под командованием лица, на-

значенного чехословацким правительством, и действующих под верховным командованием СССР. Документ подписали Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Великобритании И. М. Майский и министр иностранных дел Чехословацкой Республики Я. Масарик.

Советско-чехословацкое соглашение имело большое значение для укрепления международных позиций Чехословацкого государства и антигитлеровской коалиции в целом. Как только в Лондоне стало известно о подписании этого документа, английское правительство срочно решило также установить с чехословацким правительством дипломатические отношения. Несколько часов спустя после подписания этого соглашения Я. Масарик получил ноту английского министра иностранных дел А. Идена об окончательном признании чехословацкого правительства, которое до того признавалось только как временное.

Новейшие исследования российских ученых раскрывают ранее неизвестную предысторию этих событий. Непосредственное отношение к заключению советско-чехословацкого соглашения имела тайно находившаяся в Москве с апреля 1941 г. чехословацкая военная миссия, которую возглавлял полковник Г. Пика. В состав миссии входил и подполковник Л. Свобода — будущий командир первой чехословацкой воинской части, созданной на территории СССР. После нападения Германии на СССР военная миссия стала фактически официальным представителем чехословацкого эмигрантского правительства в Москве, признанию которого с ее стороны уже ничто не препятствовало. Миссии было предоставлено помещение в поселке Мамонтовка в 25 км от столицы.

14 июня 1941 г. полковник Г. Пика направил письмо советскому правительству, в котором развивал идеи советско-чехословацкого сотрудничества в новых условиях и предлагал приступить к осуществлению полной программы. С этой целью предлагалось Советскому Союзу официально заявить: «СССР одобряет чехословацкую борьбу против Германии с целью освобождения независимой Чехословакии; СССР признает чехословацкое правительство в Лондоне как единственного представителя чехословацкого народа и д-ра Бенеша как руководителя борьбы чехословацкого народа против нацизма и фашизма; СССР признает чехословацкую армию за границей как союзническую армию самостоятельно участвующего в войне государства; СССР будет всеми силами поддерживать на своей территории всякого рода чехословацкие инициативы, направленные на разгром Германии; СССР разрешит организовать чехословацкие военные части, которые будут сражаться против агрессора, напавшего на СССР; после поражения Германии СССР позволит чехословацкому народу свободно принять решение о своем политическом устройстве по принципу самоопределения народов, уважаемому Советами».

В свою очередь, говорилось в письме, чехословацкое правительство обязуется по просьбе СССР предоставить «всю имеющуюся у него политическую и военную информацию о ситуации в Германии и на оккупированных территориях», а также содействовать всеми средствами поискам сведений, «которые могут интересовать советское правительство и советскую армию». Чехословацкое правительство, по словам Г. Пики, брало на себя обязательство «тесно сотрудничать с СССР во всех областях военной деятельности с целью достижения победы над гитлеровским агрессором»⁶⁴.

На следующий день Г. Пика сообщил президенту Э. Бенешу и военному министру чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне С. Ингру о направленном им письме, подчеркнув: «У меня впечатление, что здесь с признанием спешить не будут. У них другие заботы».

29 июня 1941 г. глава чехословацкой военной миссии был принят народным комиссаром государственной безопасности Л. П. Берией. Г. Пика предложил наркомом проект создания чехословацкой воинской части в СССР на основе добровольного вступления в нее всех чехословацких эмигрантов, проживавших на территории Советского Союза, лиц, содержащихся в советских тюрьмах и лагерях (после соответствующей их проверки), а также остальных чехов, словаков и карпатских украинцев — советских граждан. Л. П. Берия, радушно принявший Г. Пику, заверил его, что советское правительство пойдет навстречу этим просьбам⁶⁵.

Я. Масарик

27 сентября 1941 г. в Москве было заключено военное соглашение между верховными командованиями СССР и Чехословакии, составленное в соответствии с политическим договором от 18 июля 1941 г. Соглашением устанавливался порядок формирования и нахождения чехословацких воинских частей на территории СССР, их участия в совместных боевых действиях, снабжения и материального обеспечения правительством СССР. Предусматривалось, что все возникающие вопросы будут решаться непосредственно командующим чехословацкими воинскими частями на территории СССР и соответствующими представителями Генерального штаба Красной армии. Соглашение подписали уполномоченный Верховного командования СССР генерал-майор А. М. Василевский и уполномоченный Верховного командования Чехословакии Г. Пика⁶⁶.

Советский Союз оказывал всемерную политическую, дипломатическую и моральную поддержку народам Югославии, которая была оккупирована немецкими и итальянскими войсками в апреле 1941 г. Сербия была взята Германией под непосредственное управление. Хорватию провозгласили независимой и посадили на хорватский престол итальянского герцога Сполетто. Фактически же ею управлял немецкий ставленник, главарь усташей А. Павелич. В состав Хорватского государства включили Боснию и Герцеговину. Словению разделили между Германией и Италией. Черногорию превратили в итальянское губернаторство. Из числа сателлитов гитлеровской Германии часть Македонии получила царская Болгария, а хортистская Венгрия — Бачку, Баранью и некоторые другие районы страны.

Положение в Югославии осложнялось тем, что силы Сопротивления были разобщены. Партизанам, возглавляемым И. Б. Тито, противостояли четники генерала Д. Михайловича, военного министра королевского правительства в эмиграции, которое находилось в Лондоне. При этом английское правительство добивалось подчинения Д. Михайловичу партизан И. Б. Тито и пыталось получить на это согласие советского правительства под предлогом создания общего фронта борьбы с оккупантами, с которым могли бы сотрудничать как Ве-

ликбритания, так и Советский Союз. Но попытки партизан И. Б. Тито установить контакты с разрозненными отрядами Д. Михайловича не принесли положительных результатов, они нередко заканчивались вооруженными столкновениями, в которых были замечены случаи поддержки четников немецкими войсками.

С нападением Германии на СССР реальной силой сопротивления в Югославии стала компартия во главе с И. Б. Тито. 22 июня 1941 г. она призвала народы Югославии к вооруженному восстанию, которое было намечено на 7 июля — в Сербии, 13 июля — в Черногории, 22 июля — в Словении. 27 июля произошло вооруженное восстание в Боснии и Герцеговине. В Македонии вооруженная борьба против оккупантов началась позднее. В Хорватии, несмотря на террор и массовые расстрелы заложников, усташа не смогли воспрепятствовать развитию национально-освободительного движения.

Народы Югославии в своем большинстве дружески относились к Советскому Союзу. Одним из символов надежды в те первые тяжелые месяцы жизни страны был заключенный 5 апреля 1941 г. в Москве договор о дружбе и ненападении между Югославией и Советским Союзом, который в результате быстрого разгрома югославской армии не принес реальных результатов, но оставил о себе память и надежду. Из-за сложившейся в то время военно-политической обстановки на фронте Советский Союз не имел возможности оказать Югославии помощь вооруженными силами, но делал все возможное, чтобы политически и морально поддержать ее население.

Начиная с июля 1941 г. Совинформбюро систематически сообщало о народно-освободительном движении и боевой деятельности югославских партизан. Московские газеты в июле напечатали выдержки из листовок, подпольно изданных в Югославии, в которых говорилось о том, что в стране усиливается партизанское движение, и содержался призыв развернуть партизанскую войну. Только за июль в центральных советских газетах было опубликовано более ста статей, заметок и телеграмм о положении в Югославии. 20 ноября 1941 г. советские партизаны направили приветствие партизанам Югославии, которое было передано московским радио и опубликовано 22 ноября в югославской партизанской печати. Московское радио в передачах на многих языках, в том числе на языках народов Югославии, как и в статьях Совинформбюро сообщало о боевых действиях партизан, помогая укреплению позиций народно-освободительного движения на международной арене. При этом Совинформбюро имело возможность пользоваться информацией о положении в Югославии, которая поступала по радио в Москву.

В ответ на настойчивые попытки британской дипломатии добиться от Советского Союза поддержки четников Д. Михайловича Народный комиссариат иностранных дел направил 3 августа 1942 г. югославскому представительству в СССР ноту, в которой охарактеризовал Д. Михайловича и его четников как коллаборационистов. В ноте отмечалось, что в ряде пунктов Югославии при разгроме партизанами воинских частей оккупантов были взяты в плен действовавшие вместе с ними сотни четников, а также захвачены документы, подтверждавшие факт сотрудничества генерала Д. Михайловича с немецкими и итальянскими оккупантами. Поддержка Советским Союзом борьбы народов Югославии против фашизма способствовала росту авторитета нашей страны в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Взаимные консультации с английским правительством помогли установлению отношений с силами французского Сопротивления, которые возглавил генерал Ш. де Голль. После разгрома Франции и ее капитуляции страна была разделена на оккупированную часть, включавшую две трети ее территории, в том числе главные промышленные области, побережье Ла-Манша и Бискайского залива, и не оккупированную южную часть, управляемую правительством Виши (по названию одноименного города, где оно находилось), которое возглавил маршал Ф. Петэн. Именно он обратился к А. Гитлеру с просьбой о перемирии, которое было заключено в Компьене 22 июня 1940 г. В июле 1940 г. в Виши группа депутатов и сенаторов незаконно приняла на себя функции парламента и предоставила Ф. Петэну всю полноту исполнительной и законодательной власти.

Тем временем Ш. де Голль и его сторонники сформировали движение «Свободная Франция» и укрепляли свои позиции. «Голлисты, — сообщало советское посольство в Виши руководству НКВД в декабре 1940 г., — имеют много сторонников среди крестьянства, интеллигенции, студенчества, среди мелкобуржуазных слоев французского населения. С каждым месяцем это движение усиливается»⁶⁷.

23 июня 1940 г. английское правительство опубликовало заявление о том, что оно не признает независимого характера правительства Виши, а затем признало Ш. де Голля «главой всех свободных французов, которые, где бы они ни находились, присоединяются к нему для защиты дела союзников». 7 августа 1940 г. между Ш. де Голлем и английским правительством было подписано соглашение, определявшее порядок формирования французских вооруженных сил, систему их финансирования и характер отношений с правительством Англии. В ведение Ш. де Голля были переданы находившиеся в Англии французские воинские части.

Сохраняя официальные отношения с Виши, правительство СССР проявляло естественный интерес к движению «Свободная Франция» как к потенциальному союзнику. Надо сказать, что общая атмосфера советско-французских отношений, исторический опыт, прежде всего советско-французский договор о взаимопомощи, заключенный в 1935 г., способствовали их позитивному развитию, что и произошло вскоре после нападения Германии на СССР. 24 июня 1941 г. Ш. де Голль телеграфировал делегации «Свободной Франции» в Лондоне: «Лично обратитесь к Майскому и в сдержанной, но ясной форме заявите от моего имени, что французский народ поддерживает русский народ в борьбе против Германии и что в связи с этим мы желали бы установить военное сотрудничество с Москвой»⁶⁸.

8 августа 1941 г. И. М. Майский телеграфировал в НКВД: «Меня посетили профессора Кассен и Дежан, политические представители генерала де Голля в Лондоне, которые поставили передо мной вопрос об установлении тех или иных официальных отношений между советским правительством и движением Свободная Франция. На мой вопрос, в какой форме они представляют себе эти отношения, представители генерала ответили, что им рисуется примерно тот же характер отношений, который сейчас существует между британским правительством и генералом де Голлем. Я ответил, что сообщу об их предложении правительству и по получении ответа информирую их. Кассен и Дежан сообщили, что армия де Голля насчитывает в настоящее время около 80 тыс. человек и что политический центр Свободной Франции де Голль намерен перенести из Бразавиля в Бейрут, хотя окончательного решения об этом еще не принято»⁶⁹.

Английская сторона сообщила свою точку зрения 7 июля, высказав при этом мнение, что поскольку правительство Великобритании «еще не признало организацию де Голля в качестве правительства и оказалось бы в стеснительном положении, если бы советское правительство пошло в отношении де Голля на большую степень признания, чем та, на которую пошло правительство Его Величества»⁷⁰.

В начале августа 1941 г. между советским посольством в Лондоне и французским Комитетом национального освобождения начались переговоры, в ходе которых И. М. Майский сообщил французским представителям «об отсутствии со стороны советского правительства возражений против установления с де Голлем официальных отношений в такой форме, как это имеет место у де Голля с британским правительством». Англичане выразили удовлетворение и благодарность советскому правительству за занятую им позицию. Вскоре произошел обмен нотами между советским правительством и Национальным комитетом Свободной Франции, что явилось официальным признанием комитета со стороны СССР⁷¹.

Политическое сотрудничество СССР и Англии по различным вопросам европейской политики в первые месяцы Великой Отечественной войны свидетельствовало о том, что, несмотря на отдельные, порой серьезные расхождения между советским и английским правительствами по ряду вопросов (например, по польскому), это сотрудничество привело к расширению фронта антигитлеровских государств и способствовало консолидации антифашистских сил в Европе.

Важные усилия советской дипломатии были направлены на использование противоречий внутри фашистского блока, ограничение возможности подключения новых стран к войне против СССР, открытия новых фронтов. В связи с этим особое внимание уделялось отношениям с Японией, которая, несмотря на заключенный 13 апреля 1941 г. советско-японский пакт о ненападении, продолжала проводить враждебную политику в отношении Советского Союза, создавала опасность вступления в войну на стороне своей союзницы — фашистской Германии.

22 июня 1941 г., в день нападения фашистской Германии на СССР, министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока, подписавший лишь два с половиной месяца назад советско-японский пакт о нейтралитете, прибыл в императорский дворец. Там он весьма энергично стал убеждать японского монарха Хирохито как можно скорее нанести удар по Советскому Союзу. В ответ на вопрос императора, означает ли это отказ от выступления на юге, Ё. Мацуока ответил, что «сначала надо напасть на Россию»⁷². При этом министр добавил: «Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытащишь тигренка. Нужно решиться»⁷³. Эту позицию Ё. Мацуока отстаивал и на заседаниях координационного совета правительства и императорской ставки.

С первого дня войны в СССР были озабочены опасностью присоединения к своему германскому союзнику милитаристской Японии. 23 июня, выполняя указание Москвы, посол СССР в Токио К. А. Сметанин на встрече с Ё. Мацуокой задал вопрос о позиции Японии в отношении советско-германской войны. Уклонившись от определенного ответа, министр тем не менее заявил, что «основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если настоящая война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы». Подобное заявление не исключало расторжения пакта или нарушения его в одностороннем порядке. К. А. Сметанин обратил внимание министра на необходимость «быть объективным в своих анализах настоящих фактов... как подобает деятелю, которого советский народ принимал у себя, считал и считает как сторонника улучшения дружественных отношений между СССР и Японией»⁷⁴.

В принятом 2 июля 1941 г. на совещании высшего политического и военного руководства в присутствии императора («Годзэн кайги» — императорские совещания) документе «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки» в отношении Советского Союза было решено: «Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом тройственного пакта. Однако пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей Империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ»⁷⁵.

Накануне, 1 июля 1941 г., японское руководство направило послание в адрес правительства СССР, в котором лицемерно заявляло об «искреннем желании поддерживать дружественные отношения с Советским Союзом». При этом выражались «надежда на скорое окончание советско-германской войны и заинтересованность в том, чтобы война не охватила дальневосточные районы». Верховное командование Японии охарактеризовало это послание как «дипломатическую прелюдию начала войны».

Пытаясь дезинформировать советскую сторону, в тот же день императорского совещания Ё. Мацуока на встрече с советским послом К. А. Сметаниным заявил, что Япония «намерена строго соблюдать пакт о нейтралитете»⁷⁶. Сразу после этого он встречался с германским послом О. Оттом, которому объяснил, что причиной такой формулировки советскому послу являлась необходимость ввести русских в заблуждение или, по крайней мере, держать их в состоянии неопределенности, ввиду того что военная подготовка еще не закончилась. «В настоящее время Сметанин не знает о поспешной подготовке, которая проводится про-

тив СССР и на которую сделаны намеки в решении правительства, переданном нам (то есть немцам. — *Прим. ред.*)»⁷⁷.

Однако Москва была незамедлительно информирована о решениях императорского совещания 2 июля. Резидент советской военной разведки Р. Зорге уже 3 июля сообщил в центр: «Германский военный атташе сказал мне, что японский генеральный штаб наполнен деятельностью с учетом наступления немцев на большого противника и неизбежности поражения Красной армии. Он думает, что Япония вступит в войну не позднее чем через 6 недель. Наступление японцев начнется на Владивосток, Хабаровск и Сахалин с высадкой десанта со стороны Сахалина на советское побережье Приморья... Источник Инвест (Хоцуми Одзаки) думает, что Япония вступит в войну через 6 недель. Он также сообщил, что японское правительство решило остаться верным пакту трех держав, но будет придерживаться и пакта о нейтралитете с СССР».

Затем поступили сведения несколько иного характера. 10 июля Р. Зорге сообщил в Москву: «Источник Инвест сказал, что на совещании у императора решено не изменять плана действий против Сайгона (Индокитай), но одновременно решено и подготавливаться к действиям против СССР на случай поражения Красной армии. Германский посол Отт сказал то же самое — что Япония начнет воевать, если немцы достигнут Свердловска. Германский военный атташе телеграфировал в Берлин, что он убежден в том, что Япония вступит в войну. Но не ранее конца июля или начала августа, и она вступит в войну сразу же, как только закончит подготовку». Одновременно резидент сообщал в Москву, что «германский посол Отт получил приказ толкать Японию в войну как можно скорее»⁷⁸.

Указанный советским разведчиком вероятный срок японского нападения на СССР был довольно точным. Как стало известно из рассекреченных японских документов, 25 июня 1941 г. японским верховным командованием был утвержден график подготовки и ведения войны против СССР. Согласно этому графику принятие решения о начале войны должно было состояться 10 августа, а начало военных действий — 29 августа 1941 г.⁷⁹

Генеральный штаб и военное министерство Японии осуществили летом 1941 г. комплекс мероприятий для подготовки наступательных операций против Вооруженных сил Советского Союза на Дальнем Востоке и в Сибири. В японских секретных документах план этих мероприятий получил наименование «Кантогун токусю энсю» («Особые маневры Квантунской армии»), сокращенно «Кантокуэн». 11 июля императорская ставка направила в Квантунскую армию и японские армии в Северном Китае специальную директиву № 506, в которой подтверждалось, что целью «маневров» является усиление готовности к выступлению против Советского Союза. В результате проведенной мобилизации численность Квантунской армии была удвоена. К началу августа на территории Маньчжурии и в Корее были сосредоточены 850 тыс. солдат и офицеров японской армии. Количество танков в нацеленной против СССР группировке по сравнению с 1937 г. удвоилось, а самолетов — утроилось⁸⁰.

Получая разведданные о наращивании японских сил на советской границе, руководство Советского Союза по линии дипломатии прилагало большие усилия с целью не допустить японского нападения. Еще 29 июня 1941 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, принимая посла Японии в Москве Ё. Татэкаву, высказал мнение, что Япония по тройственному пакту не взяла на себя каких-либо обязательств против СССР. При этом нарком выразил пожелание, чтобы «Япония и СССР как две соседние страны считались бы как с интересами данного момента, так и с интересами будущего и не делали бы каких-либо шагов к ухудшению отношений». В ответ посол отметил, что он целиком присоединяется к высказанному Молотовым мнению, чтобы «обе стороны воздерживались от шагов, способных ухудшить отношения между обеими странами»⁸¹.

О намерении не давать Японии повода для вступления в войну на стороне Германии свидетельствует специальное приглашение В. М. Молотовым посла Ё. Татэкавы в НКВД для разъяснения существа заключенного 12 июля 1941 г. англо-советского соглашения. Во время беседы советский министр особо подчеркивал, что «соглашение с Англией не касается Японии» и оно «не может дать почву к недоразумениям между СССР и Японией». При этом

в очередной раз были даны заверения в том, что СССР будет соблюдать и придерживаться пакта о нейтралитете с Японией⁸².

Дипломатические акции дополняли военные усилия, которые предпринимались для укрепления боеспособности СССР на Дальнем Востоке на уровне, не позволявшем японскому командованию реализовать так называемую «стратегию спелой хурмы», предусматривавшую нападение на Советский Союз в момент его максимального ослабления в восточных районах страны. Зная о таких расчетах японского правительства из донесений разведки, советское руководство в самые трудные первые месяцы борьбы на советско-германском фронте направило на запад лишь отдельные части и соединения, поддерживая равенство сил с Квантунской армией.

Для обострения японо-советских отношений Токио использовал любой повод. В середине июля в Японии была развернута пропагандистская кампания против решения советского морского командования минировать прилегающие к советскому побережью воды в связи с опасностью нападения действовавших на Дальнем Востоке германских рейдеров и подводных лодок. При этом несколько зон в дальневосточных водах СССР объявлялись опасными для судоходства. Эта проблема была поднята японцами на уровень министерств иностранных дел двух стран. Хотя минирование территориальных и прилегающих вод являлось суверенным правом СССР, НКВД занял примирительную позицию, направив 27 июля 1941 г. в министерство иностранных дел Японии памятную записку, в которой разъяснял, что «объявленные опасные зоны преследуют исключительно оборонительные цели и расположены в непосредственной близости от советских берегов. Кроме того, при установлении этих зон также учтены интересы японских рыбопромышленников, пользующихся правами рыболовства в советских водах Дальнего Востока на основании рыболовной конвенции, и ни один из районов японского рыболовства на советском побережье не включен в опасную зону»⁸³. Однако японская сторона продолжала нагнетать напряженность вокруг вопроса об «опасных зонах».

Готовились и провокации иного рода. Германский посол в Японии сообщал в Берлин, что японское руководство намерено выдвинуть «решительные требования, которые советское правительство не сможет принять»⁸⁴. Начальник и заместитель начальника генерального штаба Японии разъясняли начальникам отделов генштаба: «Применение оружия имеет своей целью разрешение северных проблем. Однако если они могут быть разрешены путем дипломатических переговоров, за которыми будут стоять наши вооруженные силы, то такое решение вопроса будет более желательным»⁸⁵.

В июле японский МИД согласовал с командованием сухопутных сил требования, которые предусматривалось предъявить Советскому Союзу, воспользовавшись его тяжелым положением на советско-германском фронте. Эти требования были сформулированы в принятом 4 августа 1941 г. на заседании координационного совета документе «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом». Документом предписывалось заставить советскую сторону прекратить поддержку Китая, передать или продать Японии Северный Сахалин, Камчатку, советские территории к востоку от Амура, добиться вывода советских войск по всей территории Дальнего Востока⁸⁶.

Сменивший Е. Мацуоку на посту министра иностранных дел Т. Тоёда 5 августа на встрече с К. А. Сметаниным призвал прекратить поддержку Советским Союзом Китая. По существу, правящие круги Японии требовали едва ли не капитуляции Советского Союза еще до японского нападения. В ответ советское правительство напомнило японским министрам, что в соответствии с договоренностью Япония должна к октябрю 1941 г. ликвидировать свои нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине и что пакт о нейтралитете не имеет никакого отношения к вопросу о помощи Китаю. В ответ на запросы НКВД о ликвидации концессий заявлялось, что «для японской стороны разрешить этот вопрос стало затруднительным»⁸⁷. Не желая обострять советско-японские отношения вокруг концессий, советское правительство хотя и заявляло о необходимости выполнить соглашение о ликвидации концессий, вместе с тем было вынуждено мириться с создавшимся положением.

В августе 1941 г. японское правительство предприняло дипломатический демарш, заявив недовольство по поводу поставок в СССР из США через Дальний Восток товаров, в частности нефтепродуктов. 23 августа по этому поводу сделал заявление советскому послу министр иностранных дел Т. Тоёда, а два дня спустя японский посол Ё. Татэкава в расширенном варианте изложил японские претензии наркому иностранных дел В. М. Молотову. При этом не скрывалось, что поставки из США «касаются защиты интересов союзников Японии — Германии и Италии». Было недвусмысленно заявлено, что «Япония интересуется тем, не будут ли эти товары, в особенности боеприпасы, военные материалы, употреблены на войне непосредственно на Дальнем Востоке в том случае, если там сложится такая обстановка, когда будет трудно сохранить пакт о нейтралитете между Японией и СССР»⁸⁸. Это уже была неприкрытая угроза. В своем ответе советское правительство определило японское представление как попытку «воспрепятствовать осуществлению нормальных торговых отношений между Советским Союзом и США... как недружелюбный по отношению к СССР акт»⁸⁹.

29 июля 1941 г. в «Секретном дневнике войны» японского генштаба было записано: «На советско-германском фронте по-прежнему без изменений. Наступит ли в этом году момент вооруженного разрешения северной проблемы? Не совершил ли Гитлер серьезную ошибку? Последующие 10 дней войны должны определить историю»⁹⁰.

Надежды японских стратегов на резкое ослабление группировки советских войск на Дальнем Востоке и в Сибири не оправдались. По данным разведуправления японского генштаба от 12 июля, с Дальнего Востока на запад было переброшено лишь 17% советских дивизий и около трети механизированных частей⁹¹. Особенно беспокоило японских руководителей сохранение на Дальнем Востоке значительных сил советской военной авиации. В одном из документов императорской ставки от 26 июля 1941 г. указывалось: «В случае войны с СССР в результате нескольких бомбовых ударов в ночное время десятью, а в дневное — двадцатью — тридцатью самолетами Токио может быть превращен в пепелище»⁹².

Советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири оставались грозной силой, способной дать решительный отпор японским войскам. Германский посол в Токио О. Отт сообщил в Берлин, что на решение Японии о вступлении в войну против СССР оказывают влияние «воспоминания о номонханских (халхин-гольских) событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии»⁹³.

Накануне намеченной даты начала войны против СССР, 28 августа, в «Секретный дневник войны» была внесена полная пессимизма запись: «Даже Гитлер ошибается в оценке Советского Союза. Поэтому что уж говорить о нашем разведуправлении. Война Германии продолжится до конца года... Каково же будущее Империи? Перспективы мрачные. Поистине будущее не угадаешь»⁹⁴.

Альтернативой вступлению в войну на севере против Советского Союза было продолжение военного наступления в Юго-Восточной Азии. В сентябре 1940 г. японские войска вторглись на территорию Индокитая, заняв его северную часть. 26–27 июля 1941 г., несмотря на протесты США и Великобритании, японцы оккупировали и южную часть полуострова, выйдя на подступы к Филиппинам и Индонезии. В ответ американское правительство наложило секвестр на японские активы в США и расторгло торговые соглашения с Японией, лишив ее поставок нефти и других важнейших стратегических материалов. Такие же решения приняли Великобритания и Голландия. Эти экономические меры еще больше обострили японо-американские и японо-английские отношения и усилили позиции сторонников вооруженного захвата богатых сырьевыми ресурсами районов на юге. Хотя в случае оккупации советского Дальнего Востока и Сибири японцы планировали овладеть ресурсами этих регионов, для их разработки требовалось время. Сырье же, в первую очередь нефть, требовалось Японии незамедлительно и в большом количестве. Начальник отдела ставки полковник М. Цудзи писал после войны: «В начале августа в военном министерстве пришли к выводу, что в случае операций против СССР в течение полугода — года будут израсходованы все запасы нефти... Поэтому, что касается нефти, то, кроме движения на юг, выхода не было»⁹⁵. Ведь только в

Голландской Индии ежегодно добывалось около 8 млн тонн нефти, что примерно в 20 раз превышало добычу нефти в Японии.

В пользу первоначального нанесения удара на юге было и то, что в отличие от советского Дальнего Востока оборона предназначенных к оккупации районов в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане была на низком уровне. В представленном 30 июля 1941 г. японскому правительству предварительном плане войны на юге вскрывались слабость обороны Малайи, серьезные недостатки в позиции США на Филиппинах и незначительные возможности сопротивления в Голландской Индии.

Немаловажным фактором при определении первоначального направления распространения агрессии были климатические условия театра предстоящих боевых действий. Имея опыт интервенции на территории Дальнего Востока и Сибири в 1918–1922 гг., когда не подготовленные к ведению войны в сложных условиях сибирской зимы японские войска несли большие потери, командование японской армии во всех планах войны и вооруженных провокаций исходило из необходимости избегать военных действий против СССР зимой. Посол Японии в Берлине Х. Осима разъяснял германскому руководству: «В это время года (осень и зима) военные действия против СССР можно предпринять лишь в небольших масштабах... Нападение на Владивосток, а также любое продвижение в направлении озера Байкал в это время года невозможно, и придется из-за сложившихся обстоятельств отложить это до весны»⁹⁶.

Примечательный диалог на эту тему произошел после нападения японского флота на Пёрл-Харбор между заместителем наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинским и японским послом Ё. Татэкавой. Когда посол отметил, что Япония вынуждена вести войну в жарком климате, заместитель наркома как бы в шутку спросил: «А где же лучше вести войну — в жарком климате или в таком, как здесь, холодном?» Поняв суть вопроса, посол ограничился замечанием о том, что в жарких местах, так же как и в холодных, имеются свои хорошие и плохие стороны⁹⁷.

Следует отметить, что склоняясь в силу указанных причин к удару на юге, японское руководство отнюдь не отказывалось и от нападения на СССР в случае его поражения в войне с Германией. Начальник генерального штаба Х. Сугияма и его заместитель К. Цукада заявляли на заседаниях координационного совета: «Вы хотите знать, что важнее — юг или север? Здесь нет различий по важности. Порядок и метод (действий) будут зависеть от обстановки»⁹⁸. Обстановка же в конце лета 1941 г. сложилась таким образом, что на первый план выдвинулась задача овладения сырьевыми ресурсами на юге, в первую очередь нефтью. Решить эту задачу предполагалось военным путем.

3 сентября 1941 г. на заседании координационного совета участники совещания пришли к выводу, что «поскольку Япония не сможет развернуть крупномасштабные операции на севере до февраля, необходимо за это время быстро осуществить операции на юге»⁹⁹. В принятом на императорском совещании 6 сентября документе «Программа осуществления государственной политики Империи» было решено продолжить захваты колониальных владений западных держав на юге, не останавливаясь перед войной с США.

14 сентября 1941 г. Р. Зорге сообщил в Москву: «По данным источника Инвеста, японское правительство решило в текущем году не выступать против СССР, однако вооруженные силы будут оставлены в МЧГ (Маньчжурии. — *Прим. ред.*) на случай выступления весной будущего года в случае поражения СССР к тому времени»¹⁰⁰.

Приняв такое решение, японские политики в дипломатических контактах с советскими представителями стали чаще по своей инициативе говорить о важности сохранения нейтралитета между двумя странами, ибо нейтралитет Советского Союза был необходим Японии на период военных действий в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. С другой стороны, японское правительство весьма беспокоила перспектива союза в войне между США, Великобританией и СССР. Ставилась задача не допустить такого сближения, особенно объединения сил трех держав против Японии. Эта озабоченность учитывалась в Москве. После успешного контрнаступления советских войск под Москвой и начала войны на Тихом океане СССР мог

Линкор «Мэриленд» около линкора «Оклахома», перевернувшегося во время японской атаки Пёрл-Харбора

Взрыв эсминца «Шоу» во время налета на Пёрл-Харбор

позволить себе тверже отстаивать собственные интересы во взаимоотношениях с Японией. Это проявилось, в частности, при подписании в конце 1941 г. соглашения о рыболовной конвенции, когда японские дипломаты вынуждены были учитывать и экономические интересы нашей страны.

Тем не менее военная подготовка к нападению на СССР продолжалась. Весной 1942 г. Квантунская группировка войск была вновь усилена, достигнув своей максимальной численности в 1,2 млн солдат и офицеров. Японским генштабом были составлены вариант плана «Кантокуэн» на 1942 г. и график проведения операций. По плану генштаба решение о начале войны должно было быть принято в марте, а начало боевых действий намечалось на май 1942 г.¹⁰¹ По этим же причинам советское правительство воздержалось от денонсации пакта о нейтралитете с Японией и предоставления американским ВВС баз на советском Дальнем Востоке¹⁰².

В связи с планами летней кампании 1942 г. на советско-германском фронте руководство Германии усилило нажим на правительство Японии, требуя от него выполнения обязательств по совместной борьбе против Советского Союза. Разъясняя стратегию А. Гитлера в отношении японо-советской войны, И. фон Риббентроп убеждал японского посла в Берлине Х. Осиму: «До сих пор Гитлер считал, что Япония, достигнув таких больших успехов, должна сначала укрепиться на новых территориях, а затем уже осуществить нападение на Россию... Однако сейчас он пришел к выводу, что наступил благоприятный момент для того, чтобы Япония вступила в общую борьбу с Россией... Если Япония стремительным ударом захватит Владивосток, а возможно, и территорию Советского Союза вплоть до озера Байкал, положение русских на обоих фронтах будет необычайно тяжелым. Таким образом, конец войны будет предрешен». На это Х. Осима отвечал, что он «уверен в необходимости нападения Японии на Россию»¹⁰³.

Но в Токио считали иначе. В ответе японского правительства германскому руководству от 30 июля 1942 г. сообщалось, что «выступление против России приведет к чересчур большому распылению сил Японии» и оно «предполагает в сложившейся ситуации ограничиться военными действиями на юге Китая». Однако при этом было заявлено, что ответ японского правительства не является окончательным и, «может быть, выступление против России окажется возможным еще до октября, а если нет, то не ранее следующей весны»¹⁰⁴.

Хотя руководство милитаристской Японии так и не осмелилось начать войну с СССР, оно по согласованию с Берлином создавало постоянную угрозу нападения, провоцировало вооруженные конфликты на границе, задерживало и топило торговые суда, вынуждая держать на Дальнем Востоке и в Сибири большую часть советских войск и вооружений, столь необходимых в ожесточенной борьбе советского народа с гитлеровскими захватчиками. Политика Японии в отношении Советского Союза в 1941–1942 гг. находилась в глубоком противоречии с положениями советско-японского пакта о нейтралитете, являлась формой содействия нацистской Германии в войне против СССР. Срыв германских планов молниеносной войны против СССР, поддержание высокой боеспособности Красной армии на Дальнем Востоке создали условия, при которых средствами дипломатии принудили японское правительство отказаться от вероломного нападения на Советский Союз.

Союзным отношениям держав антигитлеровской коалиции, объединивших усилия в борьбе с агрессорами, были присущи весьма острые противоречия по многим вопросам политики и стратегии, которые либо устранялись, либо смягчались путем взаимных компромиссов в ходе личных встреч их лидеров, а также других видных государственных деятелей, в процессе обмена посланиями и целенаправленной деятельности дипломатических служб. Это в первую очередь относилось к взаимоотношениям СССР с западными союзниками. В англо-советских отношениях неотложного решения требовали проблемы военного взаимодействия сторон и послевоенного устройства Европы, в первую очередь будущих западных границ СССР. От позиций сторон по этим вопросам зависел успех согласованного между И. В. Сталиным и У. Черчиллем визита английского министра иностранных дел в Москву и его главной цели — подписания союзного договора между Великобританией и СССР.

Советская и английская делегации обстоятельно готовились к переговорам. В Лондоне разработали британский проект соглашения, а в Москве были подготовлены проекты двух договоров. Принципиальных различий между проектами соглашения и договоров, судя по их текстам, не было¹⁰⁵. Английская сторона подчеркивала естественную связь возможного соглашения с Атлантической хартией, подписанной 14 августа 1941 г., с основными положениями которой в сентябре 1941 г. СССР выразил согласие. Советская сторона предлагала заключить более обязывающий договор, подписанный высшими должностными лицами обоих государств. Действительность оказалась намного сложнее.

8 декабря 1941 г. на борту крейсера «Кент» министр иностранных дел Великобритании А. Иден направился в Советский Союз для ведения переговоров, имевших целью укрепить сотрудничество двух стран в войне против нацистской Германии и ее союзников в Европе. А. Идена сопровождали постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании А. Кадоган, личный советник О. Харви, представитель Форин-офиса Ф. Робертс, заместитель начальника британского генерального штаба и другие лица. С делегацией также убыл из Лондона в Москву посол СССР в Великобритании И. М. Майский.

Военное положение Советского Союза было крайне тяжелым. С началом войны немецкие войска продвинулись в глубь страны на 300–600 км, захватив территорию Латвии, Литвы, часть Эстонии, Украины, почти всю Белоруссию и Молдавию, вели бои на подступах к Ленинграду. Войска Юго-Западного и Южного фронтов оставили Киев, Одессу, Донбасс. Противник подошел вплотную к Севастополю и в ноябре достиг Ростова-на-Дону. На главном, центральном направлении дивизии вермахта приближались к Москве. 20 октября 1941 г. Москва и прилегающие к городу районы были объявлены на осадном положении. Обстановка достигла критического рубежа, когда противник форсировал в ноябре канал Москва — Волга и на какое-то время достиг Химок.

В руках противника оказались мощнейшие промышленные и сырьевые ресурсы страны. Однако постепенно в ожесточенной борьбе все большее значение приобретали твердость духа народа, его самоотверженность на фронте и в тылу, превосходящие материальные возможности страны. Героическая оборона Бреста, Ленинграда, Одессы, Севастополя, Москвы способствовала срыву гитлеровского плана молниеносной войны. 5–6 декабря 1941 г. Красная армия перешла под Москвой в контрнаступление, кардинально изменившее обстановку на фронте и оказавшее большое влияние на военно-политическое положение в мире.

Визит Идена совпал с чрезвычайным событием — внезапным нападением Японии 7 декабря 1941 г. на Пёрл-Харбор, главную военно-морскую базу США на Тихом океане, то есть началом войны между США и Японией. Это известие застало А. Идена на пути из Лондона в Скапа-Флоу, где его ожидал крейсер «Кент». Великобритания в это время находилась в не менее трудном положении, хотя угроза вторжения вермахта непосредственно на Британские острова на какое-то время миновала. Страна вела войну более двух лет, разгромила итальянские армии в Восточной и Северной Африке, но потерпела поражение в битве за Францию и утратила позиции на скандинавском и балканском плацдармах. Контрнаступление 8-й британской армии в Африке, начатое 18 ноября, вынудило итало-немецкие войска к отступлению от границ Египта. Успех в Африке должен был укрепить позиции А. Идена на переговорах, равно как и контрнаступление Красной армии под Москвой — позиции И. В. Сталина.

Англия была вынуждена вступить в войну с Японией. Вслед за ударом по Пёрл-Харбору японские вооруженные силы атаковали важнейшие стратегические позиции Великобритании на Тихом океане, высадив 8 декабря десант в Британской Малайе и Таиланде. Японская авиация, разбомбив британские аэродромы в Малайе и Сингапуре, 10 декабря потопила линкор «Принц Уэльский» и крейсер «Рипалс», составлявшие основу мощи восточного флота Великобритании, остатки которого укрылись затем в Австралии. Это означало, что практически все имперские владения Великобритании в Восточной Азии, включая Сингапур, Цейлон и Индию, оказались без прикрытия с моря, что в условиях превосходства японского флота, авиации и сухопутных войск грозило катастрофой.

12 декабря английская делегация во главе с А. Иденом прибыла в Мурманск и в тот же день выехала поездом в Москву. Из Мурманска А. Иден направил телеграмму У. Черчиллю: «Глубоко сожалею о потере кораблей «Принц Уэльский» и «Рипалс». Согласен, что в сложившейся обстановке мы ничего не сможем предложить русским за исключением уже обещанных поставок. Я сделаю все возможное, чтобы произвести на Сталина впечатление значимостью наших операций в Ливии и нашей решимостью их продолжать. Необходимость обеспечения пути через Средиземное море возросла из-за превосходства японских сил на Тихом океане и потенциальной угрозы британскому влиянию на Индийском океане. Аргументы в пользу ослабления нашего воздушного наступления во Франции теперь приобретают новую силу. Если Вы решите воздержаться (от предварительно согласованной посылки эскадрильи английских самолетов из Ливии на советско-германский фронт. — *Прим. ред.*) с тем, чтобы обеспечить поддержку в Ливии и на Дальнем Востоке, я уверен, что Сталин отнесется к этому с пониманием»¹⁰⁶.

В Вологде к английской делегации присоединился посол Великобритании в СССР С. Криппс (посольство было эвакуировано из Москвы в Куйбышев). В Москве около полуночи с 15 на 16 декабря А. Идена и сопровождавших его лиц встречали заместитель председателя Совета народных комиссаров и народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов, заместитель начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенант А. М. Василевский, комендант Москвы генерал-майор К. Р. Синилов и другие официальные лица.

На следующий день, 16 декабря, состоялась первая беседа И. В. Сталина с А. Иденом, в которой также приняли участие с советской стороны — В. М. Молотов и И. М. Майский, а с английской — С. Криппс (переводил И. М. Майский). После взаимных приветствий и выраженного А. Иденом удовлетворения вновь оказаться в Москве и встретиться с И. В. Сталиным (А. Иден посетил Москву в 1935 г.) глава Советского государства предложил проекты двух договоров: о военной взаимопомощи и разрешении послевоенных проблем. Белло ознакомившись с названными текстами, глава английской делегации заявил, что каких-либо принципиальных возражений против такого рода договоров у него нет, но он хотел бы, конечно, несколько внимательнее изучить предложенные тексты и, может быть, внести в них те или иные поправки.

Рассказывая А. Идену о положении на фронте, И. В. Сталин отметил: «Немцы имеют еще крупное превосходство в танках, и танки нам очень нужны, особенно «Валентины», которые оказываются вполне пригодными для операций в зимнее время. Танки «Матильда», наоборот, пригодны для операций летом, но не зимой, ибо их моторы недостаточно сильны для зимнего времени. Мы наступаем и будем наступать на всех фронтах. Германская армия, в конце концов, вовсе не так сильна. Репутация ее сильно раздута»¹⁰⁷.

А. Иден заявил, что, уезжая из Англии, он имел у себя «в кармане» 10 эскадрилий самолетов, которые и хотел предложить для посылки на советский фронт, как только это позволят операции в Ливии. Однако сейчас он получил сообщение, что эти десять эскадрилий британское правительство вынуждено направить в Сингапур.

На что И. В. Сталин ответил, что вполне понимает положение британского правительства и не имеет возражений против переадресовки названных десяти эскадрилий. Затем он высказал мнение, что Япония, конечно, может иметь некоторые первоначальные успехи, но, в конечном счете, через несколько месяцев она должна потерпеть крах.

Глава английской делегации отметил, что слова И. В. Сталина сильно поднимают его дух, ибо он привык с большим уважением относиться к его суждениям. И тогда советский лидер спросил: если его ожидания в отношении Японии действительно оправдаются и наши войска успешно будут отеснять немцев на западе, не думает ли он, что создадутся условия для открытия второго фронта в Европе, например, на Балканах?

А. Иден заметил, что один из мотивов, заставляющих британское правительство вести операции в Ливии, сводится как раз к тому, чтобы подготовить возможности для наступательных операций в Европе. Затем он поинтересовался, действительно ли И. В. Сталин думает, что Япония может потерпеть крах, скажем, в течение ближайших шести месяцев?

И получил утвердительный ответ. И. В. Сталин пояснил, что силы японцев очень истощены и они долго не смогут держаться, а если вдобавок японцы вздумают нарушить нейтралитет и атаковать СССР, то конец Японии придет еще скорее¹⁰⁸.

18 декабря во время третьей беседы обсуждались поправки к англо-советскому договору и вопрос о совместном с Красной армией участии британских войск на южном (на Украине) и северном (в Петсамо и Северной Норвегии) участках советско-германского фронта. Операцию на севере А. Иден расценил как «весьма желательную и осуществимую». Затем дискуссия касалась обсуждения второго договора: о разрешении послевоенных проблем и вопроса о признании границ СССР 1941 г. Стороны пришли к выводу, что на этот раз придется отложить подписание договора. А. Иден заявил, что ему теперь ясна ситуация, он знает, о каких трудностях идет речь, и по возвращении в Лондон постарается принять меры.

Заключительная беседа А. Идена с И. В. Сталиным состоялась 20 декабря. Советская и британская стороны стремились, по крайней мере, к внешнему компромиссу. Глава английской делегации направил У. Черчиллю телеграмму: «Наша работа завершилась на дружественной ноте. Заключительные дискуссии были наилучшими, и я уверен, что визит удался. Мы преодолели, по меньшей мере, некоторые из прежних подозрений. Сталин, я убежден, искренне стремится к военному соглашению».

По согласованию сторон 29 декабря в Лондоне и Москве было опубликовано коммюнике, в котором говорилось: «Беседы, происходившие в дружественной атмосфере, констатировали единство взглядов обеих сторон на вопросы, касающиеся ведения войны, в особенности на необходимость полного разгрома гитлеровской Германии и принятия после того мер, которые сделали бы повторение Германией агрессии в будущем совершенно невозможным. Обмен мнениями по вопросам послевоенной организации мира и безопасности дал много важного и полезного материала, который в дальнейшем облегчит возможность разработки конкретных предложений в этой области. Обе стороны уверены, что московские беседы знаменуют собой новый и важный шаг вперед в деле дальнейшего сближения СССР и Великобритании»¹⁰⁹.

Московские беседы во время визита А. Идена знаменовали собой новый этап в деле консолидации антигитлеровской коалиции. Конечно, до «единства взглядов» руководства СССР, США и Великобритании было далеко, однако возможности и препятствия в укреплении союзнических отношений прояснились, что в дальнейшем способствовало принятию взаимоприемлемых решений в интересах борьбы с агрессорами.

Укрепление союза трех держав

Вечером 11 декабря 1941 г. московское радио передало сообщение Совинформбюро «В последний час. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы». В сообщении впервые говорилось о начале советского контрнаступления: «6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери»¹¹⁰.

Ход и исход битвы за Москву имели огромное значение для последующих событий как Великой Отечественной, так и всей Второй мировой войны. Важнейший ее итог состоял в том, что Германии не удалось осуществить свой план молниеносной войны против СССР. Переход советских войск в контрнаступление зимой 1941–1942 гг. разрушил существовавший во многих странах миф о непобедимости нацистской Германии. Правящие круги Японии, а также Турции заняли более осторожную позицию в отношении планов нападения на СССР. В оккупированных вермахтом европейских государствах — Франции, Югославии,

Греции, Польше и других — активизировались движение Сопротивления и партизанская война. Значительно изменилось отношение Великобритании и США к Советскому Союзу, к прилагаемым им усилиям в борьбе с агрессором. Противнику был нанесен удар такой силы, который заставил его вначале отступить, а затем перейти к стратегической обороне. Крах блицкрига одновременно означал и переход вермахта к затяжной войне, к которой Германия ни политически, ни экономически не была готова.

16 декабря 1941 г. Ф. Рузвельт писал И. В. Сталину: «Я хочу еще раз сообщить Вам о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов ваших армий в защите вашей великой нации»¹¹¹.

Подтверждением международного значения успехов советских войск в битве под Москвой может также служить выступление 20 января по лондонскому радио генерала Ш. де Голля. Он сказал: «Нет ни одного честного француза, который не приветствовал бы победу России... В то время как мощь Германии и ее престиж поколеблены, солнце русской славы восходит к зениту. Весь мир убеждается в том, что этот 175-миллионный народ достоин называться великим»¹¹². При этом «советский народ обеспечил себе достойных союзников в борьбе, заслужил искреннее восхищение во всем мире своим героическим мужеством, организованностью, дисциплиной и неустранимым духом борьбы, твердой уверенностью в своей конечной победе»¹¹³.

В эти же дни произошло важное событие на дипломатическом фронте борьбы с агрессорами. В ходе конференции глав правительств США, Англии, состоявшейся в Вашингтоне 22 декабря 1941 г. — 14 января 1942 г., Ф. Рузвельт и У. Черчилль после консультаций с советским правительством подготовили проект декларации государств, борющихся против держав оси. 1 января 1942 г. в Вашингтоне представители СССР, США, Китая, Великобритании, Австралии, Бельгии, Индии, Канады, Коста-Рики, Кубы, Люксембурга, Чехословакии, Доминиканской Республики, Сальвадора, Греции, Гватемалы, Гаити, Гондураса, Голландии, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Панамы, Польши, Южно-Африканского Союза, Югославии подписали декларацию 26 государств, получившую впоследствии наименование Декларации Объединенных Наций. В декларации заявлялось, что окончательная победа над противником «необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости» и что страны «теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить мир». Подписавшие декларацию государства обязались употребить все свои экономические и военные ресурсы против тех членов тройственного пакта (Германии, Италии и Японии) и присоединившихся к нему государств, с которыми они находились в состоянии войны, сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с общими врагами. Таким образом, Декларация Объединенных Наций юридически оформила военно-политический союз антифашистских государств, способствовала сплочению в рамках многостороннего соглашения всех государств, находившихся в состоянии войны с германо-японо-итальянской коалицией. Закрепляя союз 26 государств, участники вместе с тем открывали возможности для присоединения к антифашистской коалиции и других государств¹¹⁴.

Теперь необходимо было на практике закрепить основные положения декларации. В союзных отношениях с Великобританией и США неотложного решения требовало заключение официальной договоренности о взаимопомощи в целях разгрома агрессоров и открытия западными союзниками в 1942 г. второго фронта в Европе.

19 мая 1942 г. заместитель председателя Совета народных комиссаров и народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов вылетел в Лондон и Вашингтон для переговоров с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и президентом США Ф. Рузвельтом по важнейшим вопросам совместной борьбы трех ведущих держав антигитлеровской коалиции против фашистских агрессоров. Положение на фронтах Второй мировой войны для СССР, Великобритании и США, еще не закрепивших свой союз соответствующими договорными обязательствами, оставалось крайне сложным.

У. Черчилль и Ф. Рузвельт на конференции в Вашингтоне. 22 декабря 1941 г. — 14 января 1942 г.

До прибытия В. М. Молотова в Великобританию между Москвой и Лондоном велись интенсивные переговоры через советского полпреда И. М. Майского и путем прямого обмена письмами между И. В. Сталиным и У. Черчиллем. В центре внимания находились вопросы взаимодействия двух сторон, поставок в Советский Союз вооружения и боевой техники, заключения союзного договора между СССР и Великобританией, который не удалось подписать во время приезда А. Идена в Москву в декабре 1941 г., и открытия второго фронта. Советская дипломатия придерживалась при этом в основном тех же позиций, что и при переговорах А. Идена в Москве.

На следующий день после прилета В. М. Молотова в Великобританию состоялась его первая беседа с У. Черчиллем. В. М. Молотов сообщил, что он уполномочен вести переговоры с английским руководством и высказать мнение советского правительства по двум основным вопросам. Первый из них касался двух договоров о послевоенном устройстве мира и гарантий советских границ, проекты которых обсуждались во время переговоров в декабре в Москве между А. Иденом и И. В. Сталиным. Второй вопрос, по которому он направлялся в США, — это открытие второго фронта на Западе. Инициатива постановки этого вопроса исходила не от советского правительства, его выдвинул на рассмотрение в самом срочном порядке президент США Ф. Рузвельт. Советское правительство посчитало необходимым поручить В. М. Молотову обсудить этот вопрос перед отъездом в США с У. Черчиллем и А. Иденом.

Самолет В. М. Молотова

В. М. Молотов и советские летчики

Встреча В. М. Молотова на аэродроме в Лондоне

И. М. Майский, В. М. Молотов и У. Черчилль

У. Черчилль и В. М. Молотов после переговоров

При рассмотрении первого вопроса сразу же возник ряд серьезных проблем. Черчилль заявил, что советские проекты договоров наталкиваются на большие политические трудности в Англии, так как они противоречат принципам Атлантической декларации и к советскому проекту неодобрительно относится Ф. Рузвельт. В. М. Молотов, в свою очередь, обратил внимание английского премьера на тот факт, что подписание англо-советских договоров возможно при признании советских границ по состоянию на 22 июня 1941 г.: «Мы не можем уступить в этом вопросе. Никто в СССР после понесенных жертв не одобрит советское правительство, если оно отступит от требования восстановления того, что было нарушено Гитлером... Если это невозможно, то лучше отложить подписание договоров».

Подводя итог дискуссии, У. Черчилль отметил, что «невозможно подписать документы, которые подчеркивают разногласия, что цель английской политики — это дружба с СССР». Переходя к вопросу о втором фронте, английский премьер-министр особо подчеркнул, что как Великобритания, так и США «готовы вторгнуться на Европейский континент самыми большими силами». Но советскую сторону волновали не только силы, но и сроки вторжения союзников на континент.

Впервые вопрос о создании второго фронта был официально поставлен в личном послании главы советского правительства, направленном 18 июля 1941 г. премьер-министру Великобритании. Приветствуя установление между СССР и Великобританией союзнических отношений и выражая уверенность, что у обоих государств найдется достаточно сил для разгрома общего врага, И. В. Сталин писал: «Мне кажется, далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию»¹¹⁵. У. Черчилль отклонил советское предложение, указывая на недостаток сил и угрозу поражения десанта.

В сентябре 1941 г. в связи с серьезным ухудшением военного положения СССР И. В. Сталин вновь поставил вопрос о втором фронте. В своих посланиях от 3 и 13 сентября 1941 г. он писал У. Черчиллю, что гитлеровская Германия перебросила на восточный фронт более 30 свежих пехотных дивизий, большое количество танков, самолетов и активизировала действия 46 дивизий своих союзников, в результате чего Советский Союз потерял больше половины Украины и, кроме того, враг оказался у ворот Ленинграда. «Немцы считают опасность на Западе блефом, — говорилось в послании, — и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Немцы считают вполне возможным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан»¹¹⁶. У. Черчилль, признав, что на Советский Союз легла вся тяжесть борьбы против фашистского нашествия, что расчет гитлеровцев построен на ликвидации своих противников поодиночке, тем не менее повторил свои доводы о невозможности открытия второго фронта¹¹⁷.

В США события развивались по иному сценарию. В начале 1942 г. Управлением военного планирования штаба армии США был разработан план высадки англо-американских войск на севере Франции, который 28 февраля начальник этого управления Д. Эйзенхауэр, в то время бригадный генерал, представил на рассмотрение начальника штаба армии генерала Дж. Маршалла. Д. Эйзенхауэр считал необходимым предпринять немедленные действия с тем, чтобы оттянуть с советско-германского фронта «значительную часть германской армии». Эта операция, указывал он, будет иметь как военное, так и политическое значение, она должна быть «так продумана и так представлена русским, чтобы они убедились в значимости оказываемой им поддержки». Поскольку операцию можно было осуществить только через Ла-Манш, Д. Эйзенхауэр рекомендовал, чтобы США и Великобритания без промедления приняли конкретный план такого наступления, которое сможет связать немецкие военно-воздушные и сухопутные силы уже к концу лета¹¹⁸.

Ф. Рузвельт одобрил эту инициативу и решил направить в Лондон для переговоров Г. Гопкинса и Дж. Маршалла. В послании У. Черчиллю от 3 апреля 1942 г. он писал: «То,

о чем расскажут Вам Гарри и Дж. Маршалл, я разделяю всем сердцем и умом. Ваш народ и мой народ требуют создания фронта, который ослабил бы давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские сегодня больше убивают немцев и уничтожают больше снаряжения, чем вы и я вместе взятые. Даже если полного успеха не будет, крупная цель будет достигнута»¹¹⁹. Г. Гопкинс и Дж. Маршалл, в принципе, получили согласие британского правительства на открытие второго фронта (операция «Раундап») и высадку ограниченного десанта западных союзников (операция «Следжхаммер»).

Названные события предшествовали встрече наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова и премьер-министра Великобритании У. Черчилля и фактически задавали тон обсуждению вопросов, связанных с открытием второго фронта, во время утреннего заседания 22 мая 1942 г. В краткой информации о заседании, направленной в Москву, В. М. Молотов говорил, что оно проходило с участием У. Черчилля, К. Эттли, А. Идена и начальников штабов. На заседании У. Черчилль дал понять, что второй фронт возможен только в 1943 г. или, может быть, в конце 1942 г., а также что Ф. Рузвельт стоит на его позиции. Главное препятствие, по его утверждению, заключалось в том, что у англичан и американцев не было достаточного количества судов, специально приспособленных к десантным операциям.

Ориентация британского премьера на открытие второго фронта в 1943 г., фактическое отклонение советских требований о признании в договоре западных границ СССР и условий обеспечения их безопасности привели советского наркома к выводу о бесперспективности позиции, занятой британской стороной. В ходе обсуждения стороны сделали несколько взаимных уступок, но статья о признании границ СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. в новом проекте отсутствовала. В. М. Молотов и И. М. Майский отправили этот проект в Москву со следующим заключением: «Считаем этот договор неприемлемым, так как он является пустой декларацией, в которой СССР не нуждается». Ответная телеграмма, полученная в Лондоне 24 мая, привела В. М. Молотова в замешательство. В ней говорилось: «Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях наших границ, на том или ином участке нашей страны будем решать силой... Желательно поскорее подписать договор и после этого вылететь в Америку».

26 мая 1942 г. В. М. Молотов и А. Иден подписали исторический «Договор Союза Советских Социалистических Республик и Соединенного Королевства Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимопомощи после войны»¹²⁰. Договор, необходимый как для Великобритании, так и для СССР, заключался сроком на 20 лет с гарантией сотрудничества как в годы войны, так и в послевоенное время. С подписанием англо-советского договора курс на укрепление антигитлеровской коалиции получил важную опору. Еще одной такой опорой должен был стать договор с США.

Во время пребывания в Англии В. М. Молотов имел встречи и беседы с послом США в Великобритании Дж. Вайнантом, председателем Национального комитета Свободной Франции Ш. де Голлем, лордом У. Бивербруком и специальным представителем президента США А. Гарриманом. Беседы носили конструктивный характер и способствовали укреплению дипломатического фронта борьбы с фашистской агрессией.

27 мая У. Черчилль сообщил Ф. Рузвельту: «На этой и на прошлой неделе мы с Молотовым очень хорошо поработали и, как Вайнант несомненно информировал Вас, что мы полностью изменили положения договора. Теперь они, по моему мнению, свободны от тех возражений, которые были у нас обоих, и полностью совместимы с нашей Атлантической хартией. Договор был подписан вчера во второй половине дня в обстановке большой сердечности с обеих сторон. Молотов — государственный деятель и обладает свободой действий, весьма отличной от той, которую Вам и мне приходилось наблюдать у Литвинова. Я очень уверен, что Вы сумеете с ним хорошо договориться. Пожалуйста, сообщите мне ваши впечатления»¹²¹.

Прибытие В. М. Молотова в США

Встреча Ф. Рузвельта и В. М. Молотова

В те же дни между И. В. Сталиным и У. Черчиллем была достигнута договоренность о повторном визите В. М. Молотова в Великобританию на обратном пути из США. Стороны также согласились сообщить о предстоящем подписании англо-советского договора правительству Турции.

27 мая 1942 г. В. М. Молотов и сопровождающие его лица вылетели в Вашингтон. Визиту наркома иностранных дел СССР в США предшествовал ряд важных событий. Вступление США во Вторую мировую войну, объявление Германией и Италией войны Соединенным Штатам превратили сотрудничество СССР и США в фактор первостепенного военно-политического значения.

28 декабря президент США отменил распоряжение о приостановке поставок Советскому Союзу, отданное после нападения Японии на Пёрл-Харбор. В феврале 1942 г. президент Ф. Рузвельт принял решение о предоставлении СССР второго кредита в размере 1 млрд долларов для оплаты поставок по ленд-лизу на прежних условиях (начало выплаты беспроцентного займа предусматривалось через пять лет после окончания войны в течение 10 лет). Была создана советская правительственная закупочная комиссия в США, достигнута договоренность по предложению США об установлении прямой радиотелефонной связи между Москвой и Вашингтоном — сотрудничество развивалось по многим направлениям, но договора или соглашения, подобно советско-английскому, заключенному год назад, все еще не было.

К тому же между СССР и США имелся ряд разногласий. Они были вызваны, хотя и дипломатичным, но отказом СССР денонсировать пакт о нейтралитете с Японией и предоставить американским ВВС базы на советском Дальнем Востоке. Такое развитие событий могло, по мнению советского руководства, усугубить и без того существовавшую угрозу японской агрессии против СССР в то время, как главные силы Красной армии вели тяжелейшую борьбу против гитлеровского вермахта, исход которой был далеко не ясен.

Постоянные осложнения в отношениях вызывало невыполнение американской стороной согласованных поставок в СССР по ленд-лизу, которые за период с 1 октября 1941 г. по 30 июля 1942 г. составили около 30% от договорного на этот период объема. Но эти и другие разногласия во многом преодолевались взаимными поисками решений, направленных на объединение усилий в борьбе против общего врага. С этой целью В. М. Молотов и был приглашен в Вашингтон. Предстояло обсудить вопрос о втором фронте, подписать соглашение о взаимной помощи в войне и завершить работу над проектом американско-английских поставок в СССР на 1942–1943 гг. Это был первый официальный визит на таком уровне в истории межгосударственных отношений СССР и США.

В день прилета, 29 мая, состоялись четыре встречи и беседы В. М. Молотова с Ф. Рузвельтом. Президент США принял наркома иностранных дел СССР незамедлительно. И. В. Сталин и У. Черчилль внимательно следили за ходом переговоров в Вашингтоне и фактически являлись их участниками.

Безусловно, Ф. Рузвельт был хорошо осведомлен относительно мнения британской стороны о невозможности реализовать намерение и осуществить высадку англо-американских войск во Франции в 1942 г. Среди прочих многих важной тому причиной было то, что операцию в 1942 г. предстояло в основном проводить силами британских войск. Достаточное количество войск США перебросить через океан и подготовить к операции представлялось в оставшееся время практически невозможным.

30 мая 1942 г. состоялась основная беседа с Ф. Рузвельтом о втором фронте, при этом присутствовали начальник штаба американской армии генерал Дж. Маршалл, главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Э. Кинг, Г. Гопкинс. Ф. Рузвельт сообщил присутствующим, что причина необходимости открытия второго фронта в 1942 г. вызвана неблагоприятным положением на советско-германском фронте. Цель состоит в том, чтобы предпринять операции с задачей оттянуть с советско-германского фронта 40 дивизий и попытаться сделать это в 1942 г.

В свою очередь, В. М. Молотов прямо поставил вопрос перед Ф. Рузвельтом, Дж. Маршаллом и Э. Кингом: смогут ли США и Великобритания оттянуть и сковать эти 40 дивизий, из которых большинство уже не являются полноценными дивизиями? В том и в другом случае внесение ясности имело большое значение. В ответ Дж. Маршалл заявил о трудностях в переброске войск в Англию и через пролив в Европу, отметив, что это прежде всего вопрос необходимого количества десантных средств. Э. Кинг хотел бы, чтобы советские военно-морские силы оказали помощь в деле конвоирования караванов при подходе к Мурманску, а также при защите этих конвоев от германского военно-морского флота в районе Нарвика и Киркинеса.

31 мая Ф. Рузвельт собрал совещание с участием Дж. Маршалла, Э. Кинга и Г. Гопкинса с тем, чтобы дать более определенный ответ В. М. Молотову по вопросу о втором фронте. Предварительно он подготовил проект телеграммы У. Черчиллю, в которой говорилось о целесообразности начать операцию в августе 1942 г. Но Дж. Маршалл предложил слово «август» исключить. В результате текст, касающийся сроков операции, указывал 1942 г. с добавлением следующих слов: «Мы все понимаем, что из-за погодных условий операция не может быть отложена до конца года»¹²². У. Черчилль ответил: «Маунтбеттен объяснит Вам некоторые практические трудности операции среднего масштаба в этом году, какими они нам здесь представляются. Все приготовления необходимо продолжать с максимальной скоростью»¹²³.

1 июня 1942 г. состоялась заключительная встреча Ф. Рузвельта с В. М. Молотовым, на которой также присутствовали Г. Гопкинс и М. М. Литвинов. Ф. Рузвельт сообщил о возможности установления мира между СССР и Финляндией, за который выступали оппозиционные круги этой страны, предложил установить регулярную воздушную связь Вашингтона с Москвой и авиалинию Аляска — Сибирь, которую в последующем использовать для переброски самолетов (эти предложения были вручены также в письменном виде), передал М. М. Литвинову проект соглашения с СССР о займе и аренде и высказал возможность не взимать процентов с этих операций¹²⁴.

Переходя к главному вопросу, Ф. Рузвельт заявил: «Мы надеемся, что второй фронт будет создан в 1942 году, но вопрос времени зависит от тоннажа. Мы можем ускорить создание второго фронта только путем получения большого количества тоннажа». При этом президент США предложил сократить англо-американские поставки в СССР в 1942–1943 гг., начиная с 1 июля, с 8 до 4,4 млн тонн для переброски за счет этого войск и вооружений США на Британские острова. При этом сокращение поставок в СССР не должно было коснуться танков, боеприпасов, самолетов и орудий.

В. М. Молотов ответил, что сокращение поставок нежелательно, аргументировал негативные последствия такого решения и передал записку с просьбой советского правительства об увеличении поставок самолетов и грузовиков и регулярной отправке в СССР одного каравана судов из США с конвоированием военно-морскими силами США. Ф. Рузвельт обещал изучить этот вопрос¹²⁵.

В. М. Молотов информировал И. В. Сталина о содержании переговоров. Заключительная встреча с Ф. Рузвельтом не прояснила вопроса об открытии второго фронта в 1942 г. Предложение о сокращении поставок имело двусмысленный подтекст: столь необходимые поставки сократятся, а второго фронта не будет. Огромная ответственность за обсуждаемые решения, их неопределенность отражались в скупости информации, направляемой В. М. Молотовым в Москву, хотя, по словам Г. Гопкинса, заключительная встреча с Ф. Рузвельтом «ослабила напряженность»¹²⁶. В Москве особое внимание обратили на постановку вопроса о сокращении поставок и содержание коммюнике по итогам поездки, предложенного В. М. Молотовым.

3 июня И. В. Сталин направил В. М. Молотову телеграмму с выражением недовольства за скупость посылаемой им в Москву информации. Далее в телеграмме говорилось: «Мы считаем целесообразным иметь два проекта коммюнике: один — о переговорах в Англии, а другой — о беседах в США. Мы считаем, далее, абсолютно необходимым, чтобы в обоих

Экз. № 2

СЕКРЕТНО.

Тов.СТАЛИНУ И.В.

Тов.МОЛОТОВУ В.М.

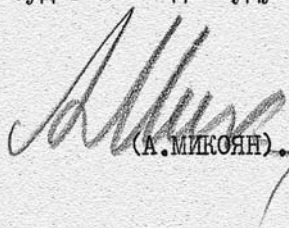
Нами было поручено Советской Закупочной Комиссии в Вашингтоне выяснить возможность предоставления в наше распоряжение некоторого количества американских морских пароходов для доставки грузов в СССР из Западных портов Америки через Берингов пролив арктическим путем.

Сегодня получено сообщение от т.т.Беляева и Акулина, что генерал Бэрнс предложил нам в счет Ленд-Лиза поставить 5 пароходов, водоизмещением 5 - 6 тыс. тонн.

Эти пароходы поступают в собственность СССР, укомплектовываются советскими командами, грузятся товарами для СССР и под советским флагом идут в бухту Провидения. Дальше они примыкают к каравану советских судов, идущих в Арктику.

Тов.Беляев и тов.Акулин для этих получаемых от американцев судов подбирают команды из команд тех советских судов, которые находятся в ремонте в американских портах.

Для ремонтирующихся же судов команды будут посланы из Владивостока.

(А. МИКОЯН)

38/6787. 14/VI.42

14.УП.42 г.
5/нс № 36637

Сообщение А. И. Микояна об американских пароходах. 1942 г.

экз. № 1

СОВ. СЕКРЕТНО

Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.

В дополнение к нашим сообщениям от 25 ноября и 3-го декабря о грузах, прибывших в Северные порты СССР, препровождаю уточненные данные о них.

По сообщениям нашего Торгпредства в Лондоне, первый караван под № JW-54 должен был состоять из 32 сухогрузных пароходов и 1 танкера, из них 22 парохода и 1 танкер из Англии и 10 пароходов из США. Караван разбивался на две самостоятельных группы судов. Первая группа судов прибыла в наши Северные порты (Мурманск и Архангельск) 24 и 25-го ноября и вторая группа - 2 и 3 декабря. Фактически прибыло в наши порты 29 пароходов и 1 танкер. 3 английских парохода, ввиду их неподготовленности, не вышли из Англии.

На указанных 30 судах доставлено 168,9 тыс. тонн грузов. Перечень наиболее важных грузов прилагается.

А. МИКОЯН.

МП. 5 экз.
6. XII. 43 г.
№ 18931

7/хп-43

С-т Микояна
ВКРД

Сообщение А. И. Микояна о грузах, прибывших в Северные порты. 1943 г.

коммюнике помимо всего прочего был также упомянут вопрос о создании второго фронта в Европе и о том, что по этому поводу имеется полная договоренность. Считаем также необходимым, чтобы в обоих коммюнике было сказано о поставках Советскому Союзу военных материалов из Англии и США»¹²⁷.

4 июня 1942 г. В. М. Молотову и М. М. Литвинову из Москвы была направлена директива: «Придется принять предложение Рузвельта о сокращении нашей заявки на тоннаж и о том, чтобы ограничиться вывозом из Америки главным образом предметов вооружения и оборудования для заводов. Нужно только настаивать, чтобы 4 400 000 коротких тонн по вывозу из США и Англии в северные порты СССР и порты Персидского залива были выполнены беспрекословно. Видимо, это необходимо для США и Англии для того, чтобы освободить свой тоннаж для подвоза войск в Западную Европу на предмет создания второго фронта. Придется также согласиться на то, чтобы часть бомбардировщиков доставлять в СССР через Камчатку и Дальний Восток путем перелета. Это все-таки дает нам облегчение по части авиации, а Японии это дело не касается, так как ведем войну не с ней, а с Германией. Предоставляем тебе решить вопрос, кому подписать договор о займе и аренде: тебе или Литвинову. Настаиваем на том, чтобы в обоих коммюнике было упомянуто о втором фронте и о поставках вооружения для СССР в той или иной форме. Это нужно, так как внесет неуверенность в ряды гитлеровцев и нейтральных стран во всей Европе»¹²⁸.

В. М. Молотов скептически отнесся к заверениям Ф. Рузвельта о планах высадки союзников в 1942 г., в то время как И. В. Сталин верил в реальную возможность достижения этой цели. Подтверждением может служить телеграмма И. В. Сталина, направленная советскому послу в Вашингтоне после отъезда В. М. Молотова в Великобританию. Она являлась ответом на предложение Ф. Рузвельта сократить поставки по ленд-лизу в СССР для высвобождения морских транспортных средств в целях обеспечения своевременной переброски американских войск и техники на Британские острова. Поставки, как свидетельствуют переговоры, сокращались примерно на 40% по сравнению с подготовленным американской стороной протоколом, переданным Ф. Рузвельтом наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову для советского правительства. Следует принять во внимание, что в то время развертывалось летнее стратегическое наступление вермахта и положение на советском фронте заметно ухудшилось. Поставки по ленд-лизу были особенно необходимы.

Тем не менее И. В. Сталин 6 июня 1942 г. телеграфировал М. М. Литвинову: «Вы должны сообщить Рузвельту о согласии советского правительства на сокращение нашей заявки на тоннаж в полном соответствии с тем, как это изложено в пункте 4-м нашей телеграммы № 2712, и добавлением, что советское правительство идет на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 году, в соответствии с тем, как это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом коммюнике. По нашему мнению, это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в этом году»¹²⁹. Однако ни в 1942 г., ни в 1943 г. второй фронт так и не был открыт¹³⁰.

6 июня Ф. Рузвельт направил У. Черчиллю телеграмму, в которой дал свою оценку визиту В. М. Молотова: «Я весьма удовлетворен визитом. Он в большей степени способствовал этому, чем я ожидал, и я уверен, что он лучше понимает обстановку здесь, нежели до приезда»¹³¹.

11 июня 1942 г. К. Хэлл и М. М. Литвинов подписали «Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии» — важный документ, юридически закрепивший создание антигитлеровской коалиции. В советско-американском коммюнике о посещении Вашингтона народным комиссаром иностранных дел СССР говорилось, что «при переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году»¹³².

8 июня 1942 г. В. М. Молотов прибыл из США в Великобританию, где его уже ожидали указания И. В. Сталина: «Надо поскорее выработать и представить нам проект совместного коммюнике с Англией. Это коммюнике должно обязательно включать, кроме вопроса о Договоре, также вопросы о втором фронте в Европе и о военных поставках в СССР»¹³³.

В Лондоне состоялись две беседы В. М. Молотова с У. Черчиллем, касавшиеся вопросов поставок в СССР вооружений и необходимых материалов, а также проблем второго фронта. В ходе заключительной беседы 10 июня 1942 г. У. Черчилль заявил, что формулировка о втором фронте в 1942 г. «не означает, что английское правительство связывает себя определенным обязательством в отношении даты второго фронта». Британский премьер вручил В. М. Молотову «Памятную записку», которая официально ставила советское правительство в известность, что на деле Великобритания не может «дать никакого обещания в этом вопросе»¹³⁴.

31 июля 1942 г. У. Черчилль направил И. В. Сталину два послания. В одном из них говорилось: «Я хотел бы, чтобы Вы пригласили меня встретиться с Вами лично в Астрахани, на Кавказе или в каком-либо другом подходящем месте. Мы могли бы совместно обсудить вопросы, связанные с войной, и в дружеском контакте принять совместные решения. Я мог бы сообщить Вам планы наступательных операций в 1942 году, согласованные мной с президентом Рузвельтом. Я привез бы с собой моего начальника Имперского штаба»¹³⁵.

Договорились встретиться в Москве. 12 августа самолет с английской делегацией приземлился на центральном аэродроме в Москве. В тот же день состоялась первая беседа У. Черчилля с И. В. Сталиным, которая продолжалась около четырех часов. При этом присутствовали В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, британский посол в Москве А. К. Керр, посол США А. Гарриман¹³⁶.

У. Черчилль напомнил, что его договоренности о втором фронте с В. М. Молотовым в мае 1942 г. были лимитированы словами о том, что он не может дать Советскому Союзу «никакого обещания на этот год». Американцы и англичане «не в состоянии предпринять операции в сентябре месяце, который является последним месяцем с благоприятной погодой... Но, как известно Сталину, Англия и США готовятся к большим операциям в 1943 году». Он также говорил о недостатке десантных средств, о малом количестве американских дивизий на Британских островах, о том, что было бы просто неразумным начать высадку в 1942 г. без всякой гарантии на успех, прервав тем самым большие приготовления к операциям в 1943 г.

13 августа 1942 г. в ходе второй беседы с У. Черчиллем глава Советского государства отметил, что расхождения между западными союзниками и СССР состоят в том, что «англичане и американцы оценивают русский фронт как второстепенный, а он, Сталин, считает его первостепенным» и что западные союзники не выполняют своих обязательств по поставкам в СССР оружия и других материалов. У. Черчилль привел конкретные данные о количестве судов, готовых к отправке в СССР. В срыве поставок, по его мнению, виноват только А. Гитлер. «Мы, — заявил И. В. Сталин, — теряем ежедневно 10 тыс. человек. Мы имеем против себя 280 дивизий противника, из них 25 танковых». У. Черчилль ответил, что океаны, моря и транспорт — это факторы, в которых нельзя обвинять западных союзников, и они докажут, что тоже «не лишены храбрости», что «в настоящее время на стороне Англии две могучие страны — США и Россия. И поэтому впереди верная победа».

Следующая встреча двух лидеров состоялась 15 августа. За день до этого У. Черчилль направил И. В. Сталину специальное послание («Памятную записку») в ответ на меморандум советского лидера по поводу второго фронта. В меморандуме И. В. Сталин констатировал, что отказ Великобритании открыть второй фронт в Европе в 1942 г., вопрос о котором был предрешен и отражен в опубликованном 12 июня 1942 г. совместном коммюнике, наносит большой ущерб Красной армии и общему делу союзников¹³⁷.

У. Черчилль в своем послании вновь заявил, что ни Англия, ни США «не нарушили никакого обещания» в отношении Советского Союза. Он понимает, какую боль и разочарование привез в Москву, имея в виду невозможность для Англии и США открыть второй фронт в 1942 г. Однако именно поэтому он полагал, что «лучше ему самому приехать в СССР» и «достигнуть личного взаимопонимания со Сталиным». Смысл ответа И. В. Сталина сводился к тому, что он и У. Черчилль узнали и поняли друг друга, «и если между ними имеются разногласия, то это в порядке вещей, ибо между союзниками бывают разногласия». И. В. Сталин был склонен смотреть на дело «оптимистически».

С П Р А В К А

ОБ АНГЛИЙСКИХ СУДАХ, ОТПРАВЛЯЕМЫХ С ГРУЗАМИ из АНГЛИИ

В С С С Р.

ОКТАБРЬ	6 судов в среднем по 5 100 т. брутто-тоннаж	- 30.600
НОЯБРЬ	9 судов в среднем по 4 600 т.	- 41.692
ДЕКАБЬ	6 судов в среднем по 6 200 т.	- 37.450
ЯНВАРЬ	8 судна в среднем по 3 600 т.	- 14.350
ФЕВРАЛЬ	17 судов в среднем по 5 500 т.	- 92.999
МАРТ	11 судов в среднем по 6 000 т.	- 65.720
АПРЕЛЬ	7 судов в среднем по 5 200 т.	- 36.560
М А Й	8 судов в среднем по 7 000 т.	- 56.000
	Всего с ОКТАБРЯ по МАЙ около	-376.371
И Ю Н Ъ /намечено/	8 судов в среднем по 7 000 т.	- 56.000

ВСЕГО включая июнь ..... 482.371.

КОНТР-АДМИРАЛ

Харламов
/ХАРЛАМОВ/.

9 июня 1942 года.

ПОСТАВКИ США И АНГЛИИ С НАЧАЛА
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ ДО 1 января 1943 г.

1. Поставлено США всего на 1.549,3 млн.долларов.

В том числе:

по закону о Ленд-Лизе - 1.451,4 млн.долларов,
на наличные и в счет
50 млн.долл.кредита - 97,9 " "

	<u>Поставлено</u>	<u>Завезено в СССР и в порты Персид- ского залива</u>
<u>Самолеты</u> всего	2.535	1.584
В том числе:		
бомбардировщики	1.111	855
истребители	1.574	700
<u>Танки</u> всего	3.262	1.981
<u>Автомобили гру- зовые</u> всего	68.034	34.566

II. Поставлено Англией всего на 548,3 млн.долларов

В том числе:

по соглашению о военных поставках - 379,4 млн.долларов
по кредитному соглашению - 169,9 " "

	<u>Поставлено</u>	<u>Завезено в СССР и в порты Персидско- го залива</u>
<u>Самолеты</u> всего	2.124	1.972
<u>Танки</u> всего	2.483	2.093
<u>Автомобили гру- зовые</u> всего	2.886	2.801.

У. Черчилль сообщил И. В. Сталину о переброске на Британские острова американских войск. К 9 апреля 1943 г., как планировалось союзным командованием, их число должно было достигнуть 1 043 400 человек. Британский премьер сказал также, что положение с транспортом вскоре должно улучшиться: американцы организуют надежную систему конвоирования судов, а англичане обеспечат за собой превосходство в воздухе.

В опубликованном 18 августа 1942 г. коммюнике отмечалось, что в результате переговоров был принят ряд решений, охватывающих область войны против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе. Эту справедливую освободительную войну оба правительства исполнены решимости вести со всей силой и энергией до полного уничтожения гитлеризма и всякой подобной тирании.

Беседы, происходившие в атмосфере сердечности и полной откровенности, дали возможность еще раз констатировать наличие тесного содружества и взаимопонимания между Советским Союзом, Великобританией и США в полном соответствии с существующими между ними союзными отношениями¹³⁸.

По возвращении в Англию У. Черчилль выступил 8 сентября с большой речью в Палате общин, превратив свою поездку как триумфальную: «Для меня имела исключительное значение встреча со Сталиным. Главная цель моего визита состояла в том, чтобы установить такие отношения уверенности и открытости, которые я установил с президентом Рузвельтом... Я верю, что мне удалось дать ему почувствовать, что мы являемся хорошими и преданными товарищами в этой войне, но это докажут дела, а не слова... Одно совершенно очевидно — это непоколебимая решимость России бороться с гитлеризмом до конца, до его окончательного разгрома»¹³⁹.

И. В. Сталин дал оценку визиту У. Черчилля через два месяца в докладе, посвященном 25-й годовщине Октябрьской революции: «Наконец, следует отметить такой важный факт, как посещение Москвы премьер-министром Великобритании г-ном Черчиллем, установившее полное взаимопонимание руководителей обеих стран»¹⁴⁰.

Усилия представителей Народного комиссариата иностранных дел СССР не ограничились лишь укреплением союза великих держав. Советская дипломатия продолжала борьбу за расширение антигитлеровской коалиции, привлечение в ее состав новых стран. 10 июля 1942 г. было подписано соглашение «Об установлении дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Голландией», которое вступало в силу немедленно и предусматривало обмен посланниками¹⁴¹. Послы Норвегии в СССР и СССР в Норвегии были возведены в ранг Чрезвычайных и Полномочных Послов. Преобразованы в посольства дипломатические представительства Чехословакии, Югославии и Норвегии при правительстве СССР. Все это и многое другое давало большие возможности сотрудничества СССР с этими странами, расширяло и укрепляло ряды стран антигитлеровской коалиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 351. Д. 2401. Л. 274–275.
- ² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1984. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 47.
- ³ АВП РФ. Ф. 0483. Оп. 24с. П. 23. Д. 2. Л. 274–275, 283.
- ⁴ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 62.
- ⁵ Там же. С. 482.
- ⁶ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917–2000 гг. М., 2002. С. 282.
- ⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 гг. М., 1983. С. 63.
- ⁸ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 322–324.
- ⁹ Новая и новейшая история. № 4. 1997. С. 161.
- ¹⁰ Историко-документальный департамент МИД России. Информационный бюллетень № 7. Май 2002 г. С. 28–37.
- ¹¹ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. III. Великий союз. М., 1955. С. 364–365.
- ¹² *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 гг. В 2-х кн. Кн. 2. В 2-х ч. Ч. 2. 22 июня 1941 — 1943 г. М., 2009. С. 7.
- ¹³ Подробнее см.: *Поздеева Л. В.* Лондон — Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945 гг. М., 2000.
- ¹⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. М., 2000. С. 363.
- ¹⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 73, 75.
- ¹⁶ Там же. С. 71.
- ¹⁷ Там же. С. 82–83.
- ¹⁸ *Langer W., Gleason S.* The Undeclared War. 1940–1941. N.-Y., 1953. P. 541.
- ¹⁹ FDR Library, Hyde NY Presidential Press Conferences. Press Confence. June 24, 1941.
- ²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 39.
- ²¹ Там же. С. 40.
- ²² Там же. С. 62–63.
- ²³ Там же. С. 62.
- ²⁴ New York Times. June 23, 1941.
- ²⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 40.
- ²⁶ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 16.
- ²⁷ *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс / Пер. с англ. В 2-х т. М., 1958. Т. 1. С. 511.
- ²⁸ *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели и мир, которого они добились / Пер. с англ. М., 2003. С. 14.
- ²⁹ FRUS. 1941. Vol. 1. P. 814.
- ³⁰ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 95, 97.
- ³¹ Там же.
- ³² Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 321–323.

³³ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 г. Кн. 2. Ч. 1. 4 сентября 1939 — 21 июня 1941 г. С. 407–408.

³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 64–65.

³⁵ *Голиков Ф. И.* Советская военная миссия в Англии и США в 1941 году // Новая и новейшая история. 1969. № 3. С. 102–103.

³⁶ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 16.

³⁷ Там же. С. 29.

³⁸ Там же. С. 32.

³⁹ Там же. С. 30–31.

⁴⁰ *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. М., 1987. С. 109.

⁴¹ *Голиков Ф. И.* Советская военная миссия в Англии и США // Новая и новейшая история. 1969. № 4. С. 103.

⁴² Там же. С. 106.

⁴³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012. С. 12.

⁴⁴ *Шервуд Р.* Указ. соч. С. 606–608.

⁴⁵ Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 437.

⁴⁶ Там же. С. 437–438.

⁴⁷ FRUS. 1941. Vol. I. P. 100.

⁴⁸ Правда. 5 октября 1941 г.

⁴⁹ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 354–355.

⁵⁰ *Исраэлян В.* Антигитлеровская коалиция (дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны). М., 1964. С. 34–35.

⁵¹ Конвенция Монтрё 1936 г. — конвенция, восстановившая суверенитет Турции над проливами из Черного в Средиземное море, принятая на конференции о режиме черноморских проливов, проходившей 22 июня — 21 июля 1936 г. в городе Монтрё (Швейцария).

⁵² Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 226.

⁵³ The Oxford Companion to World War II. Oxford, 1995. P. 874.

⁵⁴ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2005. С. 138.

⁵⁵ Статья шесть советско-иранского договора 1921 г. предусматривала: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвратить эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. По устранению данной опасности Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии» (Цит. по: История дипломатии. Т. IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. М., 1975. С. 204).

⁵⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 5 (1). М., 1996. С. 127.

⁵⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 356–359.

⁵⁸ Там же. С. 107.

⁵⁹ Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 318.

⁶⁰ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 200–201.

⁶¹ Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 318.

⁶² В. Андерс происходил из прибалтийских баронов, служил в русской, германской и польской армиях. В конце сентября 1939 г. взят в советский плен, находился в госпитале, затем был арестован.

⁶³ Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 319–321.

⁶⁴ *Марьина В.* Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. В 2-х кн. М., 2007–2009. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 20.

⁶⁵ Там же. С. 21.

⁶⁶ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 18–20.

⁶⁷ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 гг. М., 1983. С. 379.

⁶⁸ Там же. С. 44.

⁶⁹ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 225–226.

⁷⁰ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 380.

⁷¹ Там же. С. 50–52.

⁷² Тайхэйё сэно-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сб. документов). Токио, 1963. С. 458.

⁷³ Тайхэйё сэно си (История войны на Тихом океане). Т. 4. Токио, 1972. С. 84.

⁷⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 29.

⁷⁵ Тайхэйё сэно-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сб. документов). С. 463; *Кошкин А. А.* Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы. М., 2012.

⁷⁶ *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М., Л., 1950. С. 244.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. Т. 18. М., 1997. С. 186–187.

⁷⁹ Дайтоа сэно кокан си. Дайхонъэй рикугун бу (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил императорской ставки). Ч. 2. Токио, 1968. С. 322.

⁸⁰ Там же. С. 329; *Кошкин А. А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011.

⁸¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 67–68.

⁸² Там же. С. 155–156.

⁸³ Там же. С. 189.

⁸⁴ *Гольдберг Д. И.* Внешняя политика Японии. Сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г. М., 1959. С. 159.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 7867. Д. 297. Л. 306–307.

⁸⁶ Тайхэйё сэно си (История войны на Тихом океане). Т. 4. С. 98.

⁸⁷ *Кудо Митихиро.* Ниссо тюрицу дзёяку но кёко (Обман японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 2011. С. 156–157.

⁸⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 260–261.

⁸⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 158.

⁹⁰ Дайтоа сэно кокан си. Кантогун (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Квантунская армия). Ч. 2. Токио, 1974. С. 64.

⁹¹ Дайтоа сэно кокан си. Дайхонъэй рикугун бу (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил императорской ставки). Ч. 2. С. 351.

⁹² Дайтоа сэно кокан си. Кантогун (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Квантунская армия). Ч. 2. С. 66.

⁹³ *Гольдберг Д. И.* Указ. соч. С. 167.

⁹⁴ Дайтоа сэно кокан си. Кантогун (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Квантунская армия). Ч. 2. С. 68.

⁹⁵ *Гаврилов В. В., Горбунов Е. А.* Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М., 2004. С. 408.

⁹⁶ *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 147.

⁹⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 487.

⁹⁸ Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы». Внешняя политика Японии в отношении СССР (1931–1945). М., 1989. С. 217–224.

⁹⁹ Гольдберг Д. И. Указ. соч. С. 68.

¹⁰⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. Т. 18. С. 192.

¹⁰¹ Дайтоа сэно кокан си. Кантогун (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Квантунская армия). Ч. 2. С. 81.

¹⁰² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 872.

¹⁰³ Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1952. С. 378–379.

¹⁰⁴ Там же. С. 379–380.

¹⁰⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 184–186.

¹⁰⁶ The Eden Memoirs. The Reckoning. L., 1965. P. 288.

¹⁰⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 509.

¹⁰⁸ Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 279. Л. 28–38.

¹⁰⁹ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. С. 563.

¹¹⁰ Сообщения Советского информбюро. Т. 1. Июнь — декабрь 1941 г. М., 1944. С. 407–408.

¹¹¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1986. С. 10.

¹¹² Де Голль Ш. Военные мемуары. Т. 1. М., 1957. С. 657–658.

¹¹³ Известия. 31 декабря 1941 г.

¹¹⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. С. 875.

¹¹⁵ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 85.

¹¹⁶ Там же. С. 112.

¹¹⁷ Там же. С. 114.

¹¹⁸ Stoler M. The Politics of the Second Front: American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare. 1941–1943. Westport (Connecticut), 1977. P. 31–32.

¹¹⁹ Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary by Warren F. Kimball. L., 1984. Vol. 1. P. 441.

¹²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. XXV. В 2-х кн. Тула, 2010. Кн. 1. С. 391–393.

¹²¹ Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. with a commentary by Warren F. Kimball. Vol. 1. P. 490.

¹²² The White House Papers of Harry Hopkins: An Intimate Story by Robert E. Sherwood. Vol. II. January 1942 — July 1945. L., 1949. P. 573; Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary by Warren F. Kimball. Vol. 1. P. 502–503.

¹²³ Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary by Warren F. Kimball. Vol. 1. P. 504.

¹²⁴ Л. Гарднер так комментирует эти размышления Рузвельта: «После колкой дискуссии о Финляндии Рузвельт вернулся к ответственности, которую каждое из государств большой четверки должно взять на себя после войны. России, сказал он, предстоит участие в системе опеки, управления трудным процессом перехода колониальных территорий к независимости. Он назвал Французский Индокитай, Малайю и Голландскую Индию. Можно только догадываться, о чем думал Молотов, когда Рузвельт весело размахивал этим списком колоний, которые следовало поставить под покровительство великих держав» (Gardner L. Spheres of Influence: The Great Power Position Europe, from Munich to Yalta. Chicago, 1993. P. 142).

¹²⁵ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 187–190.

¹²⁶ The White House Papers of Harry Hopkins: An Intimate Story by Robert E. Sherwood. Vol. II. January 1942 — July 1945. P. 580.

- ¹²⁷ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 232. Л. 205.
- ¹²⁸ *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945 гг. М., 2004. С. 258–259.
- ¹²⁹ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 232. Л. 30.
- ¹³⁰ *Земсков И. Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982. С. 110.
- ¹³¹ Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary by Warren F. Kimball. Vol. 1. P. 508.
- ¹³² Документы внешней политики СССР. Т. XXV. Кн. 1. С. 467–471.
- ¹³³ *Ржешевский О. А.* Указ. соч. С. 301.
- ¹³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XXV. Кн. 2. С. 465–466.
- ¹³⁵ *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. Ч. II. Т. 3–4. М., 1991. С. 347.
- ¹³⁶ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. 1941–1943 гг. С. 265–276, 279–283.
- ¹³⁷ Там же. С. 276–278.
- ¹³⁸ Там же. С. 283.
- ¹³⁹ Public Record Office. FO 371 50804. P. 7.
- ¹⁴⁰ *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 74.
- ¹⁴¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. Вып. XI. С. 37.